

ПАРОЛЬ— «Мексиканец»

Николай
БУРБЫГА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Пароль - Мексиканец

Николай Бурбыга

Пароль - "Мексиканец"

«Автор»

2026

Бурбыга Н. В.

Пароль - "Мексиканец" / Н. В. Бурбыга — «Автор»,
2026 — (Пароль - Мексиканец)

В центре повествования - судьба советского разведчика-нелегала Олега Скорого, проживавшего в Мехико под псевдонимом Морис Бронильетто. Когда муж исчез, его жена обратилась к президенту СССР М.Горбачеву с просьбой вернуть ей мужа, а дочерям - отца. "Я считаю, сеньор президент, что вправе требовать от КГБ, от Советского государства компенсации за нашу загубленную и униженную жизнь..." В книге есть все - и любовь, и дружба, и предательство, и, конечно же, увлекательные путешествия.

© Бурбыга Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Амнистия. История одного предательства	6
II. Человек с фотографии	14
III. Выбор сделан. Шаги в неизвестность	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Бурбыга

Пароль - "Мексиканец"

Любые совпадения имен и событий этого произведения с реальными именами и событиями являются случайными.

Познай, где свет, поймешь, где тьма.

А. Блок

И сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их.

Екклесиаст

I. Амнистия. История одного предательства

Москва. Пушкинская площадь, дом 18. На шестом этаже в кабинете редактора отдела новостей газеты «Известия» идет ежедневная утренняя планерка. Хозяин кабинета Андрей Иллеш внимательно слушает, о чем ему говорят его «архаровцы», и молча набивает курительную трубку табаком (заядлый трубокур, с ней он не расстанется никогда), затем чиркает спичкой, попыхивая, зажигает ее, раскуривает и выпускает облако дыма. Аромат табака вперемешку с запахом кофе витает в воздухе. Мне нравится эта комбинация запахов. Они бодрят, создают творческое настроение, хотя сам я не курю. Наконец очередь доходит до нас, «черных полковников» – так Андрей по-дружески прозвал меня и Виктора Литовкина, прикомандированных в газету из Министерства обороны, где полагали, что мы сможем как бы «повысить профессионализм и оградить армию от нападков». В то время лишь ленивый не ругал и не высказывался, какой она должна быть. Андрею льстило, что у него в отделе есть профессиональные военные и что он, «рядовой необученный», может ими руководить.

Иллеш многозначительно смотрит на моего коллегу Литовкина.

– Встречаюсь с маршалом Шапошниковым, – мгновенно реагирует Виктор. – Беру интервью.

Андрей устремляет цепкий взгляд на меня.

– Бывший советский разведчик Николай Чернов, приговоренный в сентябре 1991 года Военной коллегией Верховного суда СССР по статье 64 «Измена Родине» к лишению свободы сроком на 8 лет, Указом Президента России помилован.

Вместе с ним освобождены еще девять заключенных, осужденных в разное время по этой же статье. Из восьми лет Чернов просидел всего восемь месяцев. Что надо было сделать такого, чтобы тебя помиловали? Вообще, как и почему разведчик становится предателем?

– Секрета нет. Американцы попросили Ёлкина (так он именует президента Ельцина) – мы же сегодня дружим! – надавили. Тот взял под козырек. И... «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут – и свобода...» – подытожил Андрей.

Совещание закончилось.

– Всем спасибо! Все свободны! – шутит Андрей. – А вас, Штирлиц (это уже ко мне), прошу остаться. Кто у нас специалист по шпионам, – говорит он, то ли спрашивая, то ли утверждая.

Он пыхтит трубкой, хитро прищуривая левый глаз.

– Есть одна занимательная история. Женщина-мексиканка уже много лет разыскивает своего мужа – русского разведчика. Но найти не может. Как тебе это?

– Интересно.

– Вот и займись. Один материал о шпионе Чернове, а другой о разведчике–нелегале, носителе шифров, паролей, систем связи и так далее.

Он берет толстый конверт со стола и подает его мне. На конверте красный штамп «ЦК КПСС».

– В нем письмо мексиканки и семейные фото... Если бред сивой кобылы – выбросишь в корзину. – И, выпустив духовитое облако дыма, продолжает: – Но что-то мне подсказывает: история вполне может быть реальной.

Я пошел к себе. Как только вошел в кабинет, раздался телефонный звонок. Звонил мой товарищ по службе в Афганистане, бывший командир разведроты, а ныне офицер ГРУ Валентин Лебедев.

– На месте?.. Жди в гости. Скоро буду.

Я положил трубку и вспомнил о письме мексиканской женщины. Взял конверт. Он благоухал заморским табаком, был им пропитан. Значит, не один день письмо пролежало у Иллеша на столе. Текст написан по-русски красивым женским почерком. Автор письма Анхелика Бронильетто. Она сообщает, что была замужем за Олегом Скориком, русским шпионом, проживавшим с ней в Мехико под фамилией Мориса Бронильетто, что у нее от него три дочери.

«...Господин президент! Нас обманул, предал и бросил на произвол судьбы не только ваш агент, но и советская система. Советское государство, КГБ превратили нашу жизнь в настоящий ад. Я чувствую себя раздавленной этим чудовищным механизмом, против которого бессильна что-либо сделать. Нас использовали как вещь и за ненадобностью выбросили. У нас три взрослые дочери... Я считаю, сеньор президент, что вправе требовать от КГБ, от Советского государства компенсации за нашу загубленную и униженную жизнь... Верните мне мужа! Не ради себя, для меня этот человек не существует, а ради дочерей. Вы моя последняя надежда, господин президент».

В конверте, кроме письма, было несколько фотографий. На одной она и светловолосый мужчина, явно не индейского происхождения, с ее слов – муж, советский разведчик. Рядом маленькие девочки. Еще в конверте был официальный ответ из военного отдела ЦК КПСС, в котором говорилось, что письмо внимательно рассмотрено и что об Олеге Скорике (Морисе Бронельетто) ничего неизвестно.

Вежливый, лаконичный ответ. Нет и не было. Он не обрадовал меня и не внес ясности. Значит, женщина все придумала, нафантазировала? А почему нет? Мало ли таких появилось в последнее время. Одни утверждают о связях с инопланетянами, а мексиканка придумала историю о связи с русским разведчиком. Можно подумать, разведчику нечем больше заняться, как приехать в чужую страну, произвести на свет детей и исчезнуть. Возможно ли такое? Очевидно, автор письма – дамочка с буйной фантазией. И у нее к тому же корыстный интерес.

Потеряв интерес к письму, забросил его в дальний угол ящика стола, стал звонить помилованному Чернову, чтобы договориться с ним о встрече. За этим занятием и застал меня Валентин Лебедев.

– Еду в зарубежную командировку, – с порога поделился он новостью. – Моя фамилия есть в списке кандидатов в одну из стран дальнего зарубежья.

– Надолго едешь?

– Лет на пять.

– Поздравляю!

– Рано поздравлять. Надо еще согласование пройти.

– Слушай, Валя! – вдруг спохватился я, вспомнив о письме из Мексики. Сунув руку в ящик стола, извлек оттуда конверт и подал Валентину с просьбой прочесть. Пока он читал, я не сводил с него глаз, следя за реакцией. Но его лицо было безразличным и непроницаемым, как китайская маска. Наконец он прочел письмо. И положил его на стол.

– Ну, что скажешь, бред? Фантастика?

– Почему фантастика?... Заурядная история. Бывают куда драматичнее. Знаешь, я знаком с резидентом, который в те годы был в Мексике. Сейчас он на пенсии. Живет в Подмосковье. Дед иногда заходит к нам попить чайку. Могу поговорить с ним, если, конечно, интересно.

– Еще как интересно! – обрадовался я, аплодируя в душе.

Валентин записал фамилию разведчика-нелегала и вскоре ушел. А я позвонил Чернову и стал договариваться с ним о встрече. Он долго не соглашался, но потом вдруг уступил.

Встретиться с Николаем Черновым мне удалось не в знаменитой зоне 35 Пермской области, где многие годы содержались политические заключенные и бывшие шпионы, а в его неплохой московской квартире. Поначалу разговор не клеился. Вчерашний политзек сверлил меня своими буравчиками, а потом вдруг спросил:

– Вы из «конторы»?

Успокоил его, что не из «конторы», что я военный журналист и что ему еще долго будут грезиться сотрудники спецслужб. Ко мне вот, например, они не подходят. Мне они не мерещатся на каждом шагу. Иногда даже представляется, что их и вовсе нет.

– Да, – задумчиво сказал он. – Так бывает только в двух случаях: когда человек очень хитрый или когда он прост как правда. К таким они опасаются обращаться. Себе дороже!

Его слова меня озадачили: интересно, к кому он меня причислил? Он же, заметив мое смущение, повеселел, расслабился и, закулив трубку, стал охотно рассуждать о древнем ремесле.

– Разведка, – поведал он, – это очень деликатное и немного грязное и подлое дело. Основной ее принцип: человеку предлагают добровольно сделаться подлецом.

Я спросил его про генерала Полякова. Был ли он с ним знаком? Услышав фамилию генерала Полякова, оживает:

– О, Поляков – это звезда! А Пеньковский так себе... Полякова я знал хорошо. Вместе числились в нью-йоркской резидентуре ГРУ. Он был заместителем резидента. Поляков 20 лет работал на американцев. Многих наших нелегалов заложил. Знал, кто и куда едет, на какую должность. Отправлял – и тут же стучал по своим каналам. Их встречали и под белые ручки: или работай на нас, или садись пожизненно... Да, нелегкая у этих ребят работа. Всегда в напряжении, под дамокловым мечом. А те, у кого дипломатический паспорт на руках, умеют только водку пить. И бахвалиться. В этом вся их разведработа. – Он скривился, изобразив на лице презрение.

– Извините за прямой вопрос: а как вы стали предателем?

Он задумался, а потом неожиданно предложил:

– Давайте выпьем.

Встав из-за стола, он подошел к холодильнику «Минск», достал початую бутылку водки и налил в рюмки. Мы выпили, не чокаясь, каждый думал о своем. О чем были его мысли, я не знаю, но я почему-то отметил, что впервые пью отдельно, как бы через каменную стену от того, кто в метре от меня поднимает рюмку.

Он стал рассказывать. Шел 1963 год. Он был опертехником советской резидентуры в Нью-Йорке. Однажды поехал на оптовую базу одной американской фирмы, расположенной в Нью-Йорке, чтобы купить стройматериалы для ремонта помещений. С ним был майор КГБ Дмитрий Кашин (фамилия изменена. – *Авт.*). Уговорив хозяина базы выдать документы без отражения в них торговой скидки за оптовую покупку, Чернов и Кашин получили таким образом 200 долларов, которые и поделили между собой. А дальше все развивалось как в самом заурядном детективном кино.

На следующий день, когда Чернов явился на базу за стройматериалами, в кабинете хозяина его уже ждали двое джентльменов. Один из них был выше среднего роста, с оттопыренными ушами и продолговатым смуглым лицом. Представившись сотрудником ФБР, он сказал: им известно, что Чернов – сотрудник разведорганов. Чернов стал возмущаться, но его слова на американцев впечатления не произвели. Они показали ему фотокопии платежных документов, изобличавших его в незаконном присвоении 200 долларов, а также фотографии, на которых он был запечатлен в увеселительных заведениях Нью-Йорка: ресторанах, барах, ночных клубах. На опертехника ГРУ это возымело действие: в те годы за посещение подобных мест сотрудников советских резидентур строго наказывали. Во время второй встречи Чернов передал американцам две таблетки – спецсредства для тайнописи. А через неделю он снова встретился с сотрудниками ФБР. Поблагодарив его за таблетки, они предложили продолжить сотрудничество. На что Чернов ответил, что сейчас об этом говорить нет смысла – скоро должен улететь в Москву, а вот через два года, по всей видимости, его вновь пошлют в США. Тогда можно будет и договориться.

Перед отъездом в Москву Чернов еще раз встретился с американцами, которые предложили выпить, вручили 10 тысяч «деревянных» рублей, фотоаппараты «Минокс» и «Тессина», русско-английский словарь с тайнописью, а также присвоили ему шпионский псевдоним «Ник». На прощание припугнули: «Если попытаешься нас обмануть или спрятаться, материал о тебе передадим в КГБ».

Что же интересовало американцев? Практически все оперативные офицеры резидентуры давали Чернову документы на фотографирование. Новые «хозяева» требовали от Чернова фотографировать названия документов с грифом особой важности, получаемых Главным разведывательным управлением от своих агентов в США, их титульные листы, номера. Американцам это было необходимо, чтобы можно было зафиксировать советских агентов у себя в стране. Всего, по словам самого Чернова, ему удалось передать американцам около шести тысяч кадров фотопленки с информацией разведывательного характера, которую добывало Главное разведывательное управление. Сделал он это в 1972 году во время зарубежной командировки по линии МИД СССР. Тогда он уже работал младшим референтом в международном отделе ЦК КПСС. Имея на руках дипломатический паспорт, Чернов без труда вывез за границу в двух упаковках экспонированные фотопленки. Вернувшись в Москву, залег на дно. Стресс снимал алкоголем. Даже решил поставить крест на работе. Запил до белой горячки и попал в психдиспансер.

Как был разоблачен? Он встает, подходит к окну, долго молча смотрит на ветвистые деревья в цвету и о чем-то думает. Может, о том, как уйти от ответа? Снова наполняет рюмки водкой, предлагает выпить.

– Странно, – говорит он, – но я даже рад, что меня поймали. Мне казалось, что кошмар быть разоблаченным никогда не прекратится, – он поднимает рюмку и выпивает водку залпом. – Теперь все это позади, я понес наказание. А сдал меня генерал Поляков.

Еще в 1987 году генерал-майор Дмитрий Поляков, приговоренный впоследствии за шпионаж к исключительной мере наказания, в ходе следствия рассказал о таком эпизоде. «Во время встречи в 1980 году в Дели с сотрудником американской разведки мне стало известно, что Чернов передавал американцам тайнописи и другие материалы, к которым имел доступ по роду службы».

В судебном заседании Чернов признал себя виновным и дал подробные показания об обстоятельствах его вербовки представителями американской разведки, о характере выданных им сведений, способах сбора, хранения и передачи информации. А также пояснил: преступление совершил из корыстных побуждений. Вражды к государственному строю не испытывал.

– Какова судьба вашего коллеги майора КГБ Кашина?

– Он приехал в Нью-Йорк позже меня. Первое время часто заходил ко мне. Вместе выпивали. Но после того как попали в неприятную ситуацию, мы старались избегать друг друга. В Москве один раз встретились. Потом он умер.

– Он работал на ФБР или ЦРУ?

– Точно не знаю, хотя известно: на них многие работали. Как-то, чтобы успокоить меня, агент ФБР сказал: «Не вы один сотрудничаете с нами», – и показал 3 фотокарточки, на которых были изображены коридоры резидентуры ГРУ и КГБ, а также референтуры нашего представительства при ООН в Нью-Йорке. На фотографиях возле каждого кабинета были начертаны стрелочки с указаниями фамилий сотрудников. Была стрелка и возле моей лаборатории с надписью от руки: «опертехник Чернов».

Фотографии были низкого качества с крупным зерном. Это свидетельствовало о том, что сильно увеличенные снимки были отпечатаны с микропленки, а фотосъемка производилась каким-то миниатюрным фотоаппаратом, замаскированным, очевидно, под какой-то предмет.

– Кто, по-вашему, мог сделать эти снимки?

– Может быть, Поляков...

– На чем вас взяли?

– Вещественных доказательств у КГБ не было. Если бы не Поляков...

– А словарь?

– О нем я сам рассказал. Но я не знал, что в нем есть тайнопись. В лаборатории ГРУ я обследовал его и ничего не обнаружил. Поэтому и подарил словарь сослуживцу... Но не исключая, что меня могли «сдать» американцы за то, что я долгое время не выходил с ними на связь. Ничего не давал.

– А таблетки...

– Они не представляли никакой ценности. Информация о них есть во многих учебниках. Вообще, у нас в стране все засекречено, а в ГРУ – даже туалетная бумага. Технику, которая у них есть, еще можно было использовать против советских зэков, но против американских спецслужб...

– На чем обычно проваливались наши разведчики?

– Наши – кустари, а не профессионалы. Деньги тратят колоссальные, а результат нулевой. Берут не умением, а числом. Из нескольких сотен тогдашних сотрудников посольства половина – люди КГБ и ГРУ. А какие нравы! Напишет какой-нибудь «доброхот» на тебя письмо – никто разбираться не будет. Тут же в Союз отправят. Из-за страха, что вышлют, и недоверия друг к другу все пили под одеялом. Благо, по дипломатической скидке бутылка водки стоила всего 90 центов. Выписывали по ящику и везли домой.

– А вы?

– А что я? Я жил нормальной жизнью. В кабаре ходил...

– Как осуществляется вербовка?

– Как правило, иностранцы сами предлагают разовые услуги, чтобы поправить свои финансовые дела. Например, фирма прогорает. А потом дело техники. Наши обычно садятся на бедолагу и начинают его шантажировать... и доить. Я тоже оказался игрушкой в руках КГБ. Мне сказали: «Прошло много лет. Поделитесь своими секретами о деятельности американских спецслужб. Мол, сведения будут использованы для обучения молодых сотрудников. И за это до суда мы вас не доведем». Вот я и выдумывал, фантазировал, что когда-то в книжках вычитал. Они же обрадовались и взвалили на меня все провалы, которые были в ГРУ в течение 30 лет.

– Но разве вы не передали в 1972 году американцам некие ценные материалы...

– Ничего ценного там не было. Документы были отсняты в обычной библиотеке. И вообще, если бы я захотел, то развалил бы ГРУ. Но я этого не сделал, – глубокомысленно и не без внутренней гордости (словно его недооценили и не представили к заслуженной награде) резюмировал он, разливая остатки водки. Перед тем как выпить, он устался в стену с наклеенными цветными обоями, на которых изображена березовая роща. Неожиданно спросил:

– Знаете, что больше всего я люблю на Родине? Не поверите! Русские березки.

Странная любовь, подумал я. При слове березка, березовая роща невольно вспоминаются самые лучшие дни детства, юности и многое другое, что связано с дорогими и святыми для каждого человека понятиями – отчий дом и родина. А какие у него ассоциации?..

– Не поверили?

– Не понял!

Он вздохнул и, ничего не сказав, выпил водку залпом.

Приехав в «Известия» я мысленно стал набрасывать план статьи о Чернове. Вспоминал наш с ним разговор, ту информацию, что добыл из других источников. А его слова о любви к березкам не выходили у меня из головы. Как можно любить русские березки, страну, в которой ты вырос, и одновременно предавать ее?! Кто же он, Николай Чернов, на самом деле? Перед тем как с ним встретиться, я сделал выписки из судебного дела. В 1962 году Чернов непосред-

ственно занимался обработкой секретного «Альбома управляемых ракетных снарядов ВМС США», полученного от ценного агента ГРУ «Дрона». Уже в июле того же года американские спецслужбы начали проводить розыскные мероприятия по установлению лица, передавшего этот документ советской разведке. А в сентябре «Дрон» был арестован и приговорен к пожизненному тюремному заключению... В марте 1964 года в Лондоне английская контрразведка арестовала ценного агента «Барда», осужденного впоследствии к 21 году тюремного заключения... В 1977 году к 18 годам лишения свободы за шпионаж в пользу СССР был осужден командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр. Он вместе с женой с 1962 года поддерживал тесную связь с советской военной разведкой. «Мур» и «Мэри» были выявлены, как сообщала зарубежная пресса, на основании поступивших в швейцарскую контрразведку «от одной из иностранных разведывательных служб» данных о них. При этом отмечалось, что эта информация исходит от советского гражданина.

Во время работы Чернова в 1963 – 1968 годах в фотолаборатории ГРУ им в числе других поступивших в Центр и направляемых в заграничную резидентуру материалов обрабатывались и отправлялись документы, в которых содержались сведения об агентах. В результате передачи американскими спецслужбами французской контрразведке информации о деятельности ГРУ на территории Франции в середине 70-х годов была выявлена и ликвидирована практически вся агентура ГРУ в этой стране, активно сотрудничавшая с советской разведкой в середине 60-х годов...

Сколько всего поломанных судеб на совести Чернова, никто (за исключением, очевидно, американцев) не знает и больше никогда не узнает. Что же касается самого Чернова, то ему удалось уйти от ФБР, ГРУ, ЦК КПСС, КГБ, а теперь вот даже освободиться из колонии. Но счастлив ли он?

От этих мыслей меня отвлек телефонный звонок. Звонил Лебедев.

– Выходи. Жду возле «Макдоналдса», – сказал он. – С тебя пиво.

По интонации в голосе я догадался, что он сейчас сообщит мне что-то важное.

Я не вышел – выбежал из редакции. И предложил пойти не в фастфуд «Макдоналдс», а в более приличное место: ресторан «Пушкин», что напротив, через дорогу. К тому же в «Макдоналдсе» нет пива. Пока шли, спросил:

– Ну как, встретились?

– Да, встретились, – улыбнулся он. – Но не торопи. Сядем, я расскажу обо всем по порядку.

Ему, очевидно, доставляло удовольствие видеть, как я волнуюсь от нетерпения узнать новость. Пришлось сделать над собой усилие. И пока мы шли, я больше не проронил ни слова. Хотя так хотелось узнать все побыстрее!

Мы зашли в ресторан, сделали заказ, попросив в первую очередь принести холодного чешского пива. Когда официант ушел, я не выдержал:

– Колись, не тяни. Что сказал резидент?

– Дед сказал, что знает твоего героя. Помнит его. И Анхелику помнит. Это реальные персонажи. История их любви завязывалась на его глазах. Правда, что было дальше, он не знает: покинул Мексику задолго до исчезновения Олега. И где тот сейчас, он тоже не знает.

– Значит, Олег – реальный человек, а не выдуманный?! – Я готов был станцевать лезгинку – такая удача! – Что еще сказал дед?

– Сказал, что Олег был на хорошем счету. Смелый, инициативный, с творческой жилкой. Вопросов к нему в то время не было.

– А куда он мог исчезнуть, как ты думаешь?

– Этого он не знает. Да и вряд ли стоит интересоваться. Вопрос серьезный, скользкий и опасный. Посуди сам: есть официальный ответ с самого верха. Выше некуда!.. Тема закрыта.

– А ты не мог бы выяснить, что случилось с Олегом потом? Где он?

– Нет, дальше сам. Не буду нарушать корпоративную этику. Как говорится, дружба дружбой, а служебные дела – врозь.

– Так у нас одна задача – добывать информацию.

– Правильно. Мы добываем для круга «узкого», в государственных интересах. А вы, журналисты, для обывателя. На потребу, так сказать, широких масс. Или чтобы потрафить собственному неутоленному тщеславию. Вот в чем разница.

– Ладно, Валя, спасибо тебе и за это. Ты очень мне помог. Теперь я знаю: письмо – не бред сумасшедшей иностранки, решившей улучшить свое материальное благосостояние. «Пассажиры» такой был, и, может быть, он еще жив.

– Не знаю, не знаю... Всякое могло случиться.

С этого дня меня не покидала мысль разыскать бывшего советского разведчика-нелегала. Найти его оказалось делом непростым. Основная трудность: ни КГБ, ни Главное разведывательное управление Генерального штаба, куда газета «Известия» обратилась, не желали признать Олега Скорика своим сотрудником. Там утверждали: не было такого!

Тогда я решил действовать самостоятельно. В письме было сказано, что Олег Скорик (он же Морис Бронильетто) когда-то учился в Киеве на филологическом факультете кафедры испанского языка. Перед тем как ехать в Киев, я зашел к министру обороны генералу армии Грачеву. Мы были знакомы еще со времен, когда он командовал воздушно-десантным полком в Афганистане. Показал ему письмо.

– И что тебе надо от меня? – спросил он с прямотой десантника.

– Я хотел бы найти офицера и рассказать о нем.

– А зачем?

– Как зачем? Это же интересно!

– Кому интересно? Журналистам? (После многочисленных информационных атак на него он считал журналистов продажными людьми, готовыми из-за выгоды не пожалеть родную мать.) А простым людям – зачем это?

Надо сказать, я знал его характер. Это был добрый, сердечный человек, хороший командир, заботившийся о своих подчиненных. Волею судеб вззошедший на вершину власти и ощутивший на себе всю ее тяжесть, он старался изо всех сил соответствовать времени, исходя из своих профессиональных и человеческих возможностей. Мне запомнился случай в Кулябе в период гражданской смуты в Таджикистане. Делегация во главе с Грачевым посетила местную больницу, в которой в переполненных палатах лежали женщины и дети, больные гепатитом. Грачев вошел внутрь. Поговорил с людьми, пытался хоть как-то подбодрить. Многочисленная свита – от греха подальше – не стала рисковать, осталась на улице. Грачев подошел к малышу. На него нельзя было смотреть без душевной боли – словно бухенвальдский узник. Грачев смотрел на малыша, только желваки выдавали его душевное состояние. Он отвернулся, и я увидел, что глаза его увлажнились.

– Что же с нами происходит, – сказал он. – Наши люди. – Он еще никак не мог привыкнуть, что уже нет СССР. Что жители некогда единой страны разбежались по национальным квартирам. Ему не чуждо было сострадание.

– Где Чиж? – позвал он. Подошел генерал Чиж, начальник главного военно-медицинского управления. – Нужно помочь чем можем, – распорядился он.

И вот сейчас я бросаю свой последний козырь:

– Павел Сергеевич, офицер честно служил своей стране, у него в Мексике остались три дочери. И вдруг он пропал. Без наших тут не обошлось. Вы можете представить, как тяжело детям? Они даже не знают, жив ли он? Они-то тут при чем?

– Ты от меня чего хочешь?

– Да ничего особенного. Войти в житейскую ситуацию. Проявить гуманность. Как сегодня модно говорить, поддержать общечеловеческие ценности. А я постараюсь его найти.

Но чтобы ГРУ не подняло вопль. Начнут на меня жаловаться. Государственные секреты. И все такое прочее.

Грачев улыбнулся:

– Ладно, прикрою. Что-то трусливым становишься. Не узнаю...

Слова его меня задели, и я решил оправдаться: мол, это не ВДВ, кончились патроны – рванул тельняшку. И погиб как герой. А здесь спецслужба, и такая Санта-Барбара начнется – мама не горюй. Пропал человек? Ну и что! А был ли мальчик вообще?..

Он улыбнулся, задумался, кивнул: прикрою. И вдруг спросил:

– А чем закончилась мыльная опера?

– Не знаю. Еще идет. Кажется, две тысячи какая-то серия. Жизни не хватит, чтобы их посмотреть.

Я доволен. Поддержка министра – это вам не хухры-мухры. К тому же у меня есть сто-процентная уверенность, что Олег и Анхелика – реальные люди. Осталось только найти офицера. Еще раз внимательно перечитываю письмо. Обращаю внимание на слова, что Олег Скорик родился в Одесской области, а в начале пятидесятых учился в Киевском университете имени Тараса Шевченко на испанском отделении. Вечером спешу на вокзал.

II. Человек с фотографии

Весна в Киеве в самом разгаре. Необыкновенно бирюзовое небо с легкими нежными белыми облаками. Цветут стройные каштаны. Ветви со светло-зелеными листьями свисают почти до самой земли. Их украшают крупные белоснежные свечи соцветий. Вкусный терпко-древесный запах. Первым делом иду в городской военкомат. Называю фамилию: Скорик Олег Николаевич, воинское звание подполковник. Получаю лаконичный ответ: на учете ни среди офицеров запаса, ни в отставке нет такой фамилии. Еду в университет имени Тараса Шевченко. Показываю письмо женщине, работавшей в университетском архиве. История мексиканки впечатляет ее, и она ведет меня в подвал, где на полках хранятся папки с личными делами студентов пятидесятих годов прошлого столетия. Удобно устроившись в старом потертом кресле, листаю пожелтевшие страницы выпускников романно-германского отделения филологического факультета начала пятидесятих годов. Нужной мне фамилии среди них нет. Может, все напрасно и я зря ввязался в поиски – только время потерял. Если люди ЦК не нашли, где уж мне его найти, пронеслось в голове. Да и был ли советский разведчик? А дети тогда откуда? Мало ли от кого они могут быть, рассуждал я, пролистывая личные дела выпускников. И вдруг знакомые глаза. Они смотрят на меня с маленькой фотографии 3 на 4 личного дела, которое я листаю во второй раз. Сказать, что я закричал, – ничего не сказать. Я заорал! Это был он. Тот, кого я искал. Единственное, что было не так, так это фамилия. В письме Олег Скорик, а в личном деле Скорый Олег Васильевич.

В военкомате, куда я сразу поехал, быстро нашли его личное дело. И дали его адрес: Русановская набережная... Взяв такси, я еду по указанному адресу.

Дом – обычная пятиэтажка. Поднявшись на второй этаж, звоню в дверь. Слышатся шаги.

– Лида, ты?

– Нет, это не Лида.

Дверь открыл он. Человек с фотографии. Среднего роста, худощавый, светлоглазый мужчина. Правда, волосы уже седые. И неразговорчивый. Он поначалу не хотел понимать, зачем к нему пришел журналист.

– Вы Олег Скорый? – спросил я.

– Да. А в чем дело? Вы кто?

– Я от Анхелики. Знаете ее?

– Нет, – сказал уверенно, не моргнув глазом.

– Странно. А она вас знает. У меня есть письмо от нее. Вы работали в Мексике?

– В Мексике? – Он тянул время, соображая, что ответить. Я не торопил его.

– Нет, я работал в Африке. Северной. А вы кто? Из «конторы»?

– У меня тоже есть погоны, но я не из «конторы». Точнее, из конторы, но не той, что вы имеете в виду. Я военный журналист. У меня есть для вас информация. Я мог бы войти?

– Конечно, проходите, – сказал он, пропуская меня вперед.

Я вошел в комнату. Жилье его выдавало. Оно явно принадлежало человеку другой культуры. Мебель, резные маски на стенах, буйная расцветка ковров – все указывало, что быт тут не украинский. Предложив сесть, спросил:

– Так что вы хотели сказать?

– Хотел сказать, что вас ищет Анхелика.

– А кто это, если не секрет?.. Впрочем, вы кофе пьете?

– Если угостите, да.

Он ушел на кухню. Дверь была приоткрыта, и в дверном стекле отражался его силуэт. Он взял турку, засыпал кофе, налил воды, поставил ее на огонь. Душистый кофейный аромат

распространился по квартире. Вдруг до меня донеслись слова: «Кто такой?.. Анхелика! Зачем приехал? Что ему надо?..»

Вот тебе и разведчик, подумал я. Мыслит вслух. Разве может настоящий разведчик так проколоться?

Вскоре он вошел в комнату с двумя чашками кофе. Был очень спокоен и уверен в себе. Значит, кофе – предлог, чтобы успокоиться, прийти в себя, привести свои мысли в порядок.

– Кофе по-восточному, с кардамоном, – сказал он, подавая мне тонкую фарфоровую чашку. Теперь я был уверен на все сто, что это тот человек, которого я искал, муж Анхелики, отец трех дочерей, он же советский разведчик-нелегал в Мексике. Но я решил не форсировать события, понаблюдать за ним.

– Вкусный кофе. Где научились заваривать?

– Ничего сложного.

– Залил кофе кипятком – и готово?

– Нет, есть свои тонкости, я долгое время работал на севере Африки. Много ездил, путешествовал. Наблюдал. В Марокко одни рецепты, в Анголе – другие.

– Это связано было с разведкой?

– Да что вы! Упаси меня бог. Я даже в армии не служил. Окончил университет. Получил назначение...

Он посмотрел на часы.

– Лида должна скоро прийти. И вам придется уйти.

– Вы меня торопите?

– Нет, пейте кофе... С Лидой мы учились в университете. У нее умер муж. Когда я вернулся из командировки, снова встретились. Теперь вместе живем.

– Первая любовь?

– Можно и так сказать.

Я догадался: он не желает, чтобы Лида была посвящена в его шпионскую историю.

Я отхлебнул глоток кофе, почувствовав его замечательный вкус, и сказал:

– Ладно, не буду больше докучать вопросами, на которые вы все равно не дадите мне правдивый ответ.

– Вы сказали, у вас есть письмо для меня? – спросил вдруг он.

– Есть. Вот прочтите. – Я подал ему письмо. Он быстро взял его и, внимательно изучив адрес, стал читать. Прихлебывая кофе, я исподволь наблюдал за ним. Наконец он прочел письмо и, возвращая его мне, спросил:

– Чего вы хотите?

– Неужели вы до сих пор опасаетесь? Прошло столько времени! К тому же спецслужбы перестроились...

– Перестроились? Вы верите в это? – усмехнулся он.

Пропускаю его слова мимо ушей, продолжаю говорить, испытывая при этом чувства, которые близки моральному садисту, ждущему от жертвы смирения.

– Анхелика живет в маленькой квартирке в Койокане с Ирэн и Еленой. Пока только старшая дочь Анна вышла замуж. Она балерина, Ирэн – биолог. Елена изучает английский и русский языки. Все они вспоминают о муже и отце. Все эти годы они страдали без него, постоянно бегая к почтовому ящику в надежде на письмо, бросались всякий раз на стук в дверь – вдруг отец вернулся!.. Они и сейчас не верят, что он, не чаявший души в своих дочерях, отказался от них. Вот посмотрите, как они похожи на вас, – сказал я, чувствуя себя сукиным котом, бьющим ниже пояса. И кладу на журнальный столик последний свой козырь – фотографии, на которых он вместе с дочерьми. Он взял фотографии. Лицо его дрогнуло. Глаза увлажнились. Он вцепился руками в подлокотники кресла и надолго замолчал. Он еще как-то боролся, но слезы накатывали.

Признаться, мне никогда не нравилось, когда кто-то плачет. Это раздражает, расстраивает, я чувствую себя неловко. Особенно когда плачут дети или женщины. Но их хотя бы можно прижать к себе. Успокоить. Уверить, что все наладится. Но что делать, когда плачет взрослый мужчина – офицер? Я отвернулся и тупо стал рассматривать застывшие апатичные непонимаемые лица масок на стене.

Наконец он заговорил:

– Они живы? У них все хорошо?

– Они живы. У них все хорошо. Но им не хватает вас.

– Знаю. А что я мог поделать? Я давал подписку о неразглашении служебной тайны. Но не было дня, чтобы я не думал о них. Единственное, что еще держит меня, так это мысль, что когда-нибудь их увижу... Но как я буду смотреть им в глаза? Я их бросил в трудное время, в Мексике тогда был кризис... Как без меня Анхелика смогла их вытащить, воспитать? Ведь я пропал из их жизни, когда старшей должно было исполниться 16, средней – 12, а младшей – 10 лет...

Он открывает коричневый кейс. Достает другие фотографии, слайды, на которых запечатлены его дети, он с женой. На последнем снимке дата: 1977 год.

– Фотографии хранились у моей мамы, – говорит он. – Это все, что осталось от семьи...

Мы оба молчим. Фотографии веером рассыпаны по столу. Потом он позвонил Лиде и попросил ее сегодня не приходить. Опустившись в кресло, расстегнул ворот рубашки и неторопливо начал свой рассказ.

Уже два месяца как шла война. Недалеко от села проходил рубеж обороны. Поля изрыты окопами, испещрены воронками от снарядов и бомб. Наши отступили, и вместо них пришли немцы. Потом немцы пошли дальше, на Одессу, а у нас остались румыны и полицаи. Вчера во двор нагрянула толпа вооруженных румын. С ними был полицай Дурасов, он учился с мамой в одном классе и жил в соседнем селе. Румыны забрали курей и пристрелили Волчка – доброго и умного пса, который когда-то прибил к нам щенком, и когда я закричал, один румын с грязным бинтом на голове наставил на меня винтовку и, зло глядя, сказал: «Пух». Мама бросилась к нему в ноги. Он сплюнул и пошел в курятник, где стоял невообразимый куриный переполох. Набросав в мешок курей, они ушли, а я пошел в огород, где росли мои любимые подсолнухи, и, вырыв яму, похоронил Волчка. Потом я долго лежал на печи, всхлипывая и прислушиваясь к взрывам, которые раздавались всю ночь. Когда проснулся, теплые лучи солнца приятно согревали лицо. Протирая припухшие от слез глаза, коснулся щек – они были горячи, как во время болезни. Позвал маму, она не ответила. Прислушался. Обычно утром со двора доносились разные звуки и шорохи, я слышал мамины шаги, звяканье посуды. Но сейчас было тихо. Я вышел из дома. Постоял. Хотел было пойти к Волчку, как услышал мамин крик. Он доносился из сарая – там мы хранили различное имущество. Когда я вбежал внутрь, увидел широкую спину в черном пиджаке, плешистую большую голову на толстой шее и подмятую вырывающуюся изо всех сил мать в разорванной рубашке и с взлохмаченными волосами. Не раздумывая, я схватил стоявшую справа от двери косу, она всегда там была, и, взмахнув, ударил сверху вниз лезвием по лысой голове. Мать закричала, оттолкнула навалившееся на нее тело, и тогда я увидел, что это был Дурасов. Какое-то время я стоял, глядя на его обезображенное лицо, и не выпускал косу из рук, готовый еще раз ударить, если он пойдет на меня. Но ноги его подкосились, и он с искаженной от боли гримасой и залитым кровью лицом упал, как подрезанный сноп, на колени, а затем уткнулся лицом в землю.

– Бежим! – услышал я голос матери.

Мы вбежали в дом. В доме мать умылась, переоделась и, взяв в деревянном сундуке, стоявшем у стены, какие-то бумаги, завернула их, спрятав на груди; собрала в мешок попав-

шую под руки одежду, положила в него хлеб – «хлеб в пути – не тягость» – и, обняв меня, предложила: «Сядем на дорожку».

Потом мы выбрались из дому и, пройдя мимо места, где в земле лежал Волчок, пошли огородами, поросшими кукурузой и зрелыми подсолнухами, в сторону большака. По дороге брели люди. Это были беженцы. Мы растворились среди них. Одни уходили в сторону, откуда доносились взрывы, другие в обратном направлении. Гремело где-то возле Одессы. Люди говорили, что город еще не был взят фашистами. Мы бежали к маминым родителям. Дед с бабушкой жили на окраине Одессы. И я часто гостил у них.

Нас обгоняли немецкие легковые машины с офицерами, они окидывали нас высокомерным взглядом, и грузовики с солдатами. Навстречу по дороге румыны вели пленных. Их было настолько много, что сидевшая на возу баба с толстыми губами прошептала: «Всех мужиков забрали. Без мужиков теперь будем жизнь коротать». Впереди нас шла маленькая женщина с грудным ребенком на руках. Она всю дорогу, как только малыш начинал кричать, совала ему свою тощую сиську и плаксиво возмущалась, что совсем ничего нет.

– Не мучь дитя, Зинаида, – кричала ей баба с воза, бросая краюху хлеба. – Размочи слюной и дай ему.

К вечеру ребенок умер. Но женщина, похожая на подростка, продолжала его нести.

– Она ку-ку, потеряла рассудок. Умом тронулась, – тихо сказала идущая рядом с мамой женщина с мешком за спиной. – Дитя-то умерло. Она никак не может в это поверить. – И обе тяжело

вздохнули.

На обочине было много битой советской техники. И один немецкий танк без башни. Навстречу снова вели наших. Они шли понуро колонной по три человека. И мама, словно ослепшая, долго всматривалась в их лица – нет ли среди них отца? Вдруг она кинулась к идущим солдатам, но ее ударил прикладом долговязый конвоир, а когда пленный солдат обернулся, она поняла, что ошиблась. И вернулась.

Впереди был мост. Возле моста – немцы на мотоциклах. Когда подошли ближе, они закричали, стали нас прогонять. Потом верзла в каске, похожей на пожарный шлем только без козырька, ударил ногой пустую консервную банку, а другой немец вскинул автомат и стал стрелять вверх голов, отпугивая.

– Шнеля! Шнеля! – потешались они.

– Бери правее, там брод, – кричала с тачки губастая баба.

И все пошли правее, как она велела, спускаясь в небольшой овраг. Возле неширокой реки бабы снимали юбки, платья и, оставшись в исподнем, вошли в воду. Мама велела мне снять брюки, а сама, не снимая платья, пошла, держа узел над головой. Посреди реки подвода застряла, и женщины стали ее толкать по команде губастой, которая, стоя на своем возу, кричала: «Взяли, бабоньки, – раз, два! Взяли...»

Я никогда не видел столько раздетых баб. И был удивлен разнообразием их фигур. Узкие и широкие плечи, короткие и длинные туловища, узкие и толстые талии, широкобедрые и не очень, ноги длинные и короткие толстые. Они дружно раскачивали бричку, и вскоре лошаденка, упиравшись, подгоняемая бабьим гогом, вытащила воз на берег, где все, обступив подводу, стали требовать у губастой толстухи магарыч (за глаза ее все звали Кастрюлей, очевидно, из-за полноты и лопоухости). Та порылась в мешке и подала бутылку с затычкой – торчавшей плотно скрученной газетой. Газету женщины выбросили. Я зачем-то подобрал ее и спрятав в карман. Когда наступила ночь, мы сошли с дороги и, сбившись в кучу небольшим табором, остановились в поле на отдых. Я долго лежал, рассматривая звездное небо. От долгого всматривания в бездонное небо у меня закружилась голова, мне стало страшно, казалось, что я могу сорваться в небесную бездну. Вблизи, в телеге, периодически вздыхала и охала Кастрюля, вскоре она захрапела. Я впал в полудрему. Внезапно перед глазами появился Дурасов. Его

лицо искажала жуткая гримаса, зрачки расширены, он смотрит на меня необычным взглядом и вдруг неожиданно смеется и исчезает. Сквозь сон я слышу чьи-то слова о несчастной Зинаиде, которая не уберегла ребеночка, и теперь ее саму нужно спасать. Но утром, когда мы проснулись и тронулись в путь, Зинаида молча, стиснув зубы, шла с ребенком на руках, заботливо поправляя розовый платочек на его голове.

В пути беженцы постоянно менялись, одни уходили, им на смену приходили другие. Люди метались, они не знали, где лучше спрятаться от войны. В одном месте колонна разделилась. Кто-то пошел в сторону Одессы, кто-то – в Николаев, где, по слухам, уже хозяйничали немцы. На третий день мы пришли к маминим родителям. Дверь в доме была открыта, но там никого не было. К ночи пришла бабушка Прасковья и рассказала, что дед в начале войны, как только стали бомбить, ушел куда-то и словно сгинул.

– Два месяца, как нет от него весточки. Где только не искала. Как сквозь землю провалился. Может, и в живых уже нет, – сокрушалась она.

Дом у бабушки из глины и соломы. Он теплый, уютный. В нем есть сени, чулан без окон, маленькая комната и большая с печью. Я облюбовал место на печи. В комнате стояла кровать и длинная деревянная скамейка. В углу на стене висела икона Иисуса Христа. Образ написан краской на липовой доске и убран белым с затейливым узором рушником. На стене возле окна тикали часы с кукушкой. Часы старинные, из Франции, они достались бабушке от ее родителей. Бабушка зовет кукушку мудрой Фросей, повидавшей много на своем веку. Перед сном я подтягивал гирю вверх, чтобы часы не остановились, и слушал, как они продолжали отбивать время в ночной тишине.

А еще в комнате у стены стоял большой деревянный сундук. В нем все бабушкино богатство: какие-то документы, сберкнижка, фотографии бесчисленных родственников, рушники и вытканые из цветных лоскутков бабушкины дорожки. Она обещала подарить их мне на свадьбу, когда я вырасту.

Был поздний вечер, за окном бушевала ужасная гроза, небо рассекали молнии, грохотал гром. Вдруг кто-то постучал в окно. Испуганная мама открыла дверь. На пороге стоял папин старший брат Тимофей. Был он уставший, грязный, помятый. Его, как и отца, в первые дни войны мобилизовали.

Первым делом он помылся. Мама накрыла на стол, и уже посвежевший, он жадно ел и рассказывал: «Нас включили в стрелковую часть, находившуюся в 90 километрах севернее Одессы. Мы были одеты в гражданскую одежду, одна винтовка приходилась на 3-5 человек. Нам приказали добывать оружие в бою. С нами были моряки-черноморцы, хорошо вооружённые и подготовленные, но их было мало. Немцы и румыны обстреливали из орудий. Снарядов не жалели. Потом поступила команда отступать. В Севастополь. Подошли корабли. Места всем не хватило. Те, кому нашлось место на кораблях, уплыли, а мы разбежались в разные стороны. Остались без командиров, не имея опыта и никаких приказов, не зная, где находится фронт, разбрелись небольшими группами кто куда. Несколько недель прятались в подсолнухах, кукурузных полях, в небольших перелесках и нерубайских катакомбах под Одессой. А потом стали возвращаться домой в семьи.

– А мой где?

– Когда я ушел, он оставался в катакомбах. Может, ему повезло, и он уплыл на последнем транспорте.

Мать вздохнула.

– Что собираешься делать?

– Поеду в Одессу.

Утром он ушел.

Из Одессы приходили тревожные новости. Румыны заняли город, и на следующий день были расстреляны на Привокзальной площади и Куликовом поле 4 тысячи человек. А в быв-

ших пороховых складах на Люстдорфской фашисты сожгли живьем более двадцати тысяч жителей. Приехала дочь соседки, жившая в Одессе, и рассказала подробности: «На склады согнали со всего города евреев: мужчин, женщин, стариков, детей, а также пленных красноармейцев и матросов. Перед этим пленных провели по центру города. Когда их вели, видела: руки их были опутаны колючей проволокой, на ртах висели замки. Да-да, им пробили губы и повесили замки, – повторила девушка. – Склады облили горячей смесью из шлангов и подожгли. Эти люди задыхались в дыму, обугливались живьем, кричали дети».

– Зачем было жечь людей? – спросили ее.

Она ответила:

– Люди говорят: мамалыжники сэкономили патроны.

Какой ужас, подумал я. Мне казалось, что такого не могло быть, что соседская девушка все это придумала, нафантазировала.

Было утро. Из полуоткрытого окна донеслось тарахтение мотоциклов. Я выглянул в окно и увидел: к нам во двор въезжают немцы. Мама спряталась в чулан, мы остались с бабушкой вдвоем. Дверь отворилась, и вошли двое рослых немцев, они стали внимательно озирать комнату. Потом тот, что постарше, сказал: они останутся здесь на постой. Бабушка ответила по-немецки, согласно кивая головой и приглашая пройти в комнату. Им понравилось, что она знает язык. Лица их подобрели. Из чулана вышла мама. Ее было не узнать: она переделалась в замызанную телогрейку, надела платок – один нос торчал – и выглядела ровесницей бабушки. Немцы равнодушно посмотрели на нее и сказали, чтобы мы покинули дом. Бабушка заверила, что мы уйдем в другое место.

Немцы разместились не только в нашем доме, но и у соседей.

Мы перешли в сарай. Я с мамой безвылазно находился в сараюшке, мы старались не попадать им на глаза, с «квартирантами» общалась бабушка. Мы видели, как они рубят деревья, чистят сапоги, смеются, играют на губной гармошке. Через день они уехали, кроме двоих, у которых сломался мотоцикл. Они долго возились с мотором, а когда починили – разделись, сбросили с себя обмундирование, подставив тело солнечным лучам, и потребовали, чтобы бабушка принесла им воды из колодца. Мама разрешила мне помочь бабушке. Я наносил воды в бочку, и немцы устроили купальню. Помывшись, один из них, пожилой, с добрым лицом немец, стал играть на губной гармошке, что висела у него на шее. Это был легкий и веселый инструмент. Он издавал красивую трель. Потом он стал показывать нам фотографии своих детей, что-то лопоча на своем языке, бабушка кивала, улыбаясь. Неожиданно немец протянул мне губную гармошку и предложил сыграть. «Wiedergabe abspielen» (играй, играй), – сказал он. Несмотря на строгий взгляд бабушки, я взял поддержать инструмент. На ее стальном корпусе было написано «Militar music». Приложил к губам.

– Und spielen? – улыбнулся он.

Я пошире открыл рот и выдохнул, проведя гармошку резко на несколько отверстий вправо, как это делал он. Получилось красивое сочетание звуков. Его товарищ уже завел мотоцикл и нетерпеливо ждал, поглядывая на нас. Я вернул гармошку. Но мой немец не торопился уходить, он вдыхал и выдыхал звуки, показывая мне, как надо играть. Его товарищ несколько раз трескуче газанул. Немец протянул гармошку мне. Бабушка испугалась и отвела его руку, но немец настаивал, говоря, что это подарок. Я взял гармошку, он быстро вскочил в коляску, мотоцикл взревел, и они, слегка виляя и подпрыгивая на ухабах, понеслись по пустой улице.

Меня послали к соседке за молоком – у нее единственной остались корова и коза. Когда вернулся домой, увидел дядю Тимофея. Он сидел за столом, ел и рассказывал о жизни в Одессе.

«Жизнь в городе налаживается, появился частный бизнес, на базаре продаются колбасы, мясо, сыр, масло и фрукты. Румынское руководство выдает беспрецедентные ссуды и кредит на 25 лет. И если бы не указы городского головы Германа Пынтя запретить лузгать семечки и пользоваться велосипедом, то жить можно». Неожиданно он предложил маме, отпустить меня с ним в Одессу, где я смогу учиться.

– Школы в Одессе работают. Лучше учиться, чем дурака валять, – сказал он.

И меня отпустили.

Дядя жил на Молдаванке, в старом, еще дореволюционной постройки двухэтажном доме, у него была комната на втором этаже. Внизу – аптека и булочная. Под окнами гремели трамваи. Школа была на Мясоедовской, к ней я шел напрямик через дырки и лазы. Во всех школах города раз в неделю – румынский язык и закон божий. В классах висели портреты Михая I. Ходили слухи, что Гитлер пообещал румынам Бессарабию и Одессу.

В 42-м году был хороший урожай. Чтобы его убрать, все учащиеся обязаны отработать 21 день на сельхозработах. Магазины были завалены продуктами.

Этот период моей жизни запомнился тем, что я много читал. Книги покупал на блошином рынке или на книжных развалах. Первыми книгами, которые я приобрел, были романы Эриха Марии Ремарка «Три товарища» и «На Западном фронте без перемен» на немецком языке. Прочел их в оригинале несколько раз.

Город быстро восстанавливался. Латали дорожное полотно, восстанавливали разрушенные здания, запускали старые и открывали новые предприятия, работали магазины, театры, на улицах звенели трамваи. Румыны думали, что пришли в Одессу всерьез и надолго. Приехала мама, и дядя Тимофей повел нас в ресторан «Северный» в Театральном переулке. Его открыл знаменитый певец Петр Лещенко.

– Даже не верится, что идет война, – сказал дядя. – Но людям не хватает свободы. – Он подвинул стул к маме и стал ей тихо о чем-то говорить.

– Это же опасно, – сказала мама.

– А что ты прикажешь делать? – возразил он. Мама вздохнула и посмотрела на меня. Я сделал равнодушное лицо, стараясь не проявлять никаких эмоций.

– Да, немцы установили жесткую разнарядку, – продолжал дядя. – За убитого немецкого офицера – казнь 100 заложников из числа местных жителей, за немецкого солдата – 50. Румынских солдат они оценили дешевле. За одного румына казнили 15 советских граждан-заложников... Подпольщикам удалось взорвать 200 офицеров немецкой и румынской армий, фашисты в отместку казнили 5 тысяч местных жителей, которых хватили без разбору на городских улицах. И вешали на деревьях и фонарных столбах.

Мама сокрушенно покачала головой и прошептала: «Береги себя».

А вскоре на дядю Тимофея донес дворник, и он попал в сигуранцу (тюрьма). Его обвиняли в связи с партизанами, которые прятались в катакомбах. Я был знаком с дворником. Из-за контузии на финской войне у него перекосило лицо и казалось, что он все время смеется. Он часто со мной заговаривал, расспрашивал о жизни и угощал семечками, предупреждая о том, чтобы я не разбрасывал шелуху и никто не видел, как я их лузгаю.

Доносительство стало бичом Одессы. Этим занимались не только дворники, но и друзья, и соседи. По их доносу людей арестовывали сотнями. Даже румынам это не нравилось. По городу ездила машина, из которой в рупор кричали: «Одесситы! Перестаньте доносить друг на друга».

После ареста дяди я вернулся в деревню. Школа не работала, и бабушка факультативно стала заниматься со мной немецким. В один из таких дней к нам нагрянул румынский патруль. Выглядели они не так, как в начале войны. Обшарпанные, голодные, они ходили по дворам и забирали кур и прочую домашнюю живность. Зашли и к нам. Выпрашивали «млеко и яйка». Когда бабушка попыталась их пристыдить, они стали оправдываться, что их насильно мобилизовали и отправили воевать. А вот полицаи были, напротив, наглыми и злыми. Они знали, где искать. Гребли все подряд.

В феврале мама поехала в сигуранцу и выкупила дядю. Когда вернулась домой, сообщила новость: советские войска теснят фрица и скоро освободят нас.

Освободили Одессу за считанные дни и не дали румынам и немцам сбежать морем. По Одессе провезли пушки с надписями: «Она стреляла по Одессе. Больше стрелять не будет».

Сразу же в городе начались аресты, и жить стало не менее страшно, чем при немцах. Появились «черные вороны». Чекисты опрашивали дворников о поведении жильцов при оккупантах, кто и где работал. Искали коллаборационистов, тех, кто сотрудничал с врагом. Сразу по доносу того же дворника был арестован дядя Тимофей. Через шесть месяцев он вернулся. Его было не узнать – без зубов, один глаз не видит. Постоянные головные боли.

– Мне еще нет сорока, а посмотри, на кого я похож. Нет ни сил, ни желания жить, – жаловался он маме.

А потом он стал говорить сам с собой. Нас с мамой перестал узнавать. Искал крыс и собак за занавесками, прятался, утверждая, будто его хотят убить, мог схватить топор, чтобы защититься, а потом долго лежал как мертвый, ни на что не реагируя. Все это длилось часами. Мама пыталась расшевелить его, но он не отвечал, не замечал нашего присутствия. Она купила каких-то таблеток, заставила пить – не помогли.

- Он сошел с ума, – сказала мама.
- Что это такое?
- Это такое нервное расстройство.
- Это серьезно?
- Думаю, да.

Она стала побаиваться его и забрала меня в деревню.

После войны стали возвращаться фронтовики. Молчаливые, не словоохотливые. Я жадно ловил каждое их слово, подслушивал за застольем, на свадьбах. Из 300 дворов не вернулось 180 односельчан.

Отец с войны не пришел. Мама долго его искала, обивала пороги военкомата. Наконец ей сказали: «Без вести пропавший». И выдали бумажку с треугольным штампом и круглой красной печатью.

Однажды к нам в дом пришел солдат. Назвался Диденко Василием Степановичем. Был он весь израненный, с пустым рукавом, заправленным в карман пиджака. «С твоим Василем мы бились за Одессу, – сказал он. – Но фрицы нас одолели, и город пришлось сдать. Нам

повезло: успели попасть на последний корабль, отступили в Севастополь. Попали во взвод противотанковый. Бились. Я был ранен, а он сгинул. Всех в одну яму. Там его искать надо».

Они вдвоем съездили в Севастополь. Когда мама вернулась, бабушка спросила: нашла? Никаких следов, сказала мама. Яма есть, но кто в ней лежит, неизвестно. Никаких бумаг нет, списки не велись. Безымянная могила. Хочешь – верь, хочешь – не верь, а как было на самом деле, один Бог знает, грустно сказала она.

Какое–то время инвалид жил с нами. Потом запил, и я слышал, как бабушка советовала маме:

- Не руби сплеча. Мужик все же. Да и Олегу твердая рука нужна.
- Чему он его научит, самогон пить?! Нет, мама, лучше я сама, чем с ним.

Он собрал котомку и ушел. Потом несколько раз возвращался. Но мама была непреклонна. В очередной раз закрыла дверь, и он ушел – навсегда. Больше я его не видел.

Когда в Севастополе в здании Дома офицеров флота начался открытый судебный процесс по делу немецких преступников, мама снова поехала в Крым. Подсудимым вменялись в вину организация и осуществление массовых убийств, истязаний военнопленных и мирных жителей. Преступления фашистов не просто поражают воображение, они не умещаются в сознании нормального человека, говорила она. Только в Севастополе нацисты уничтожили более 27 тысяч мирных граждан и насильственно угнали в Германию около 45 тысяч мирных жителей и военнопленных, рассказала она.

– Может, и мой Василий в Германии, – говорила она, хватаясь за любую соломинку, лишь бы не терять надежды.

После школы меня призвали в войска связи. Во время службы в армии в солдатской библиотеке на глаза попал исторический роман Генри Хаггарда «Дочь Монтесумы». В книге рассказ ведется от имени англичанина, который после ряда приключений оказывается в составе испанской экспедиции к берегам Новой Испании, где перед ним открывается экзотический мир ацтеков. Он берет в жены дочь императора и осуществляет план возмездия своему давнему противнику. Прочел и понял, что я просто обязан выучить этот язык. Знал бы я, что книга станет провидческой, стал бы ее читать?

Отслужив, поехал поступать в Киев в университет на факультет иностранной филологии. Вопреки совету бабушки, вместо немецкого, которым я овладел довольно быстро, выбрал испанский. Впервые я услышал этот живой эмоциональный язык, его красивое звучание от испанских моряков, прибывших в Одессу. Представлял солнечную, радостную страну, ее южный колорит, красочную корриду, буквально млел при звуках испанской гитары.

День был воскресный. Я назначил свидание своей однокурснице Лиде на Крещатике. Здесь, как всегда, полно горожан и туристов. Удобно гулять – широкая пешеходная зона и множество скамеек для отдыха. «Когда–то тут протекал Крещатинский ручей, – сказал я. – В этом месте, как гласит предание, великий князь Владимир крестил двенадцать своих сыновей». Возле кинотеатра «Киев» змейкой вытянулась очередь к кассам. Стоять в длинной очереди желания нет, и я предложил Лиде пойти в парк, где можно побыть наедине. Она согласилась.

Лида – не просто сокурсница. Она мне нравилась. Вчера мы признались друг другу в любви.

– Дорогая. Сядем рядом, поглядим в глаза друг другу, – начал я декламировать своего любимого поэта.

– Олег, остановись, – сказала она. – Благодаря тебе я знаю наизусть твоего Сергея Есенина. Он тоже мне нравится, но он «похабник и скандалист». А я – девушка скромная. Не люблю таких.

– Лида, ты не понимаешь, что под маской хулигана скрывалась душа светлая, тонкая и легко ранимая.

– Не спорю. Но давай лучше о нас поговорим. Я решила познакомить тебя со своими родителями. Ты согласен? – Она стояла передо мной – высокая, чернобровая, решительная и спокойная.

– Согласен!.. Мне осталась одна забава – палыцы в рот и веселый свист...

– Какой ты несерьезный... Знаешь, я уже была в школе. Встретилась с директрисой. У меня будет четвертый «Б» класс. А ты определился?

– Нет, еще не решил. Детишек обучать? Это не мое. Мне по душе перевод художественных текстов с испанского, немецкого или, в худшем случае, английского на русский язык.

Поздно вечером я проводил ее домой – она жила на Подоле, в старом районе, – и пешком пошел к себе на Липскую, в центр города.

Утром меня вызвали в кабинет к декану. Когда я подходил к двери деканата, оттуда вышел однокурсник Михаил Бахарчук – глаза полные решимости, в голове ни извилин. Мне этот тип не понравился с первого дня знакомства. И не только потому, что он приударял какое-то время за Лидой. Прилизанный, с одутловатым лицом, он казался мне малопривлекательным. Невзлюбил я его еще и за то, что он часто выступал на комсомольских собраниях, осуждая своих товарищей за какой-либо незначительный проступок, а потом как ни в чем не бывало подходил и говорил, мол, не обижайся, старичок, так надо было. Кому надо? Зачем? Он не объяснял. Чем-то он напоминал мне полицая Дурасова.

Вот и кабинет декана. Я толкнул дверь. Вошел. Декан, сорокалетний фронтовик с орденскими планками на лацкане пиджака, доброжелательный, тактичный и за это уважаемый студентами, был в кабинете не один. За столом сидел молодой мужчина с красивым приветливым лицом, одетый с иголочки. Я успел его срисовать: серый костюм в широкую полосу, белоснежная рубашка с пуговицами на воротничке и темно-стального цвета галстук в косую полосу с узким длинным узлом.

– Буэнос диас, – сказал он по-испански, поднимаясь и протягивая руку.

– Буэнос, – ответил я.

– Будем говорить на испанском. Не возражаете?

– Нет.

Декан поднялся.

– Я пойду, – сказал он. – Работы много. – И вышел.

Незнакомец представился:

– Зовут меня Андрей Тимофеевич Дробот. Я офицер Главного разведывательного управления. Военское звание капитан.

И попросил рассказать о себе.

Я подробно рассказал свою биографию по-испански, тщательно подбирая слова, но про полиция Дурасова утаил. Офицер помечал что-то в своем блокноте. Наводящих вопросов не задавал. Только потом попросил повторить все по-немецки. Когда я умолк, он сказал, что хватит на сегодня, пообещав встретиться еще раз, но уже для более плотного общения. Поднялся, протянул руку. Сказал, прощаясь:

– Hasta luego! (До встречи).

Вскоре меня снова пригласили в кабинет к декану, и мой новый знакомый капитан Андрей Дробот протянул мне билет на футбол. Играли «Динамо» (Киев) и «Спартак» (Москва).

Я не был футбольным фанатом, но приглашение принял с благодарностью. На стадион мы поехали на метро. Места были на западной трибуне возле колоннад. Напротив новое деревянное табло. Во время матча офицер вел себя как заядлый болельщик. Он вскакивал, когда мяч летел в ворота. Хватался за голову, когда мяч пролетал мимо ворот противника. Называл фамилии футболистов.

После матча я спросил:

– Вы так увлечены футболом? Болели за Спартак?

– Нет, несколько. Я даже не знал, кто играет. Я делал вид, что увлечен футболом. А вы так смогли бы?

– Не знаю. Но если бы захотел, то, думаю, да. Но футбол мне не интересен. Я не вижу в нем смысла.

– Вы не правы. Смысл есть во всем. Особенно в игре. А футбол это коллективная игра. И чем слаженнее команда, тем интереснее игра. В ней есть замысел, стратегия, тактика. Вы не понимаете, и вам не интересно. Но я не о футболе хочу с вами поговорить.

– А о чем?

– О разведке. И не просто о разведке, а о военной разведке. Предлагаю попробовать свои силы и продолжить учебу в Москве в Академии Советской армии. Слышали о такой? Если нет, то ничего страшного. Я не тороплю вас с ответом. Время есть. Подумайте. Мы никого не уговариваем. Но к моему отъезду в Москву я должен знать ваше решение... Кстати, у вас есть хобби?

– Люблю читать книги.

– А еще?

– Увлекался фотографией. Был старенький немецкий фотоаппарат. Выменял его на Привозе в Одессе. Получались неплохие черно-белые снимки.

– Прекрасное увлечение. Фотограф – творческая профессия, – сказал офицер, и мы попрощались до завтра.

На следующий день мы снова встретились.

– Я подумал, – сказал я.

– И?..

– Согласен.

– Надеюсь, выбор осознанный... Легкой жизни не обещаю. Кстати, вы знаете, что дочь Дурасова учится с вами?

– Не может быть! – воскликнул я, у меня в груди словно что-то оборвалось. – Как ее имя? – прохрипел я.

- Татьяна. А что вас так испугало? Вы подумали, что Лида?
- Вы и о ней знаете?

Он не ответил. Похлопав по плечу, сказал:

- Олег, ты мне понравился, до встречи в Москве, – и ушел.

Мне он тоже пришёлся по душе – такой стильный, приветливый, может расположить к себе. И загадочный.

Шли выпускные экзамены. Я получил очередную отличную оценку по зарубежной литературе и, выйдя из аудитории, столкнулся с Бахарчуком. Одутловатое лицо, жидкие, едва заметные брови, словно покрытые мутной пеленой бесцветные глаза.

- Ты встречался с «покупателем»? – неожиданно спросил он.

- А кто это?

– Ну, такой весь из себя. В красивом модном костюме. Не прикидывайся. Я видел, как ты заходил к декану... Офицер из ГРУ.

- А! Да.

- И что он тебе сказал?

– Да так, поговорили ни о чем. Ему мой язык не понравился. Сказал, что слишком правильный. Так испанцы не говорят... И тебя приглашали к декану?

– Да. Но я тоже не подошел, хотя он мне об этом ничего не сказал. Откуда узнал? Интуиция!.. А зря. Я мог бы работать в разведке. У меня чуйка. От мамы. Она у меня всех как рентген насквозь видит. Знает наперед все мои мысли.

- Миша, не горюй. Мама точно подошла бы, а ты нет. Почему? Излишне болтлив.

Зря я ему это сказал: он обиделся на меня на всю жизнь.

...Я шел по Крещатику. Неожиданно жаркое летнее солнце сменили надвинувшиеся с востока тяжелые мышино-серые тучи. Небо стало темным. Сильные порывы ветра гнули макушки деревьев. Гроыхнуло раскатисто и тут же, как из ведра, полил дождь. Я едва успел спрятаться под раскидистым деревом.

– Ты чем так увлечен, что мимо пробежал и не заметил? – услышал я рядом знакомый голос.

Это была Лида.

- О тебе думал, – соврал я и, обняв девушку, предложил прямо сейчас пойти в кинотеатр.

- Промокнем, – сказала она.

– Ничего с нами не случится. – Я набросил ей на плечи свой пиджак, и мы побежали. Кинотеатр «Киев» был совсем рядом, мы даже не успели промокнуть. Пospели к началу сеанса фильма «Испытание верности». Его снял режиссёр Иван Пырьев. В главных ролях Марина Ладынина и Леонид Галлис. Это была мелодрама о непростых человеческих судьбах, о любви и разлуке, измене и преданности, об умении простить ошибку и не бросить близкого человека в беде.

– И показано и сыграно все правдиво, не шаблонно, – сказала Лида, когда мы вышли из кинотеатра. Дождя уже не было. Только издали доносились редкие раскаты грома. Она продолжала: – Я не поверила, что героиня 10 лет не знала правды, – скривила носик Лида. – Если она действительно была с мужем единым целым, то всегда заметит момент, когда он стал

«чужим». В это трудно поверить: «от меня скрывали правду 10 лет». Но Ладынина сыграла очень хорошо. А вот ее партнер (который играет мужа) все время переигрывал и фальшивил во всех сценах. Но это беда актера, а персонаж тоже неплохой. А еще мне понравилось, что главные герои показаны сильными, никто не валит ответственность за свою жизнь на других. Муж не плачет, что его «соблазнила плохая тетенька» (как это часто с мужчинами бывает), а говорит «я виноват». Жена тоже берет судьбу в свои руки: решила, что не может с ним жить, – развелась; решила, что любит и не может без него, – поехала к нему как декабристка. Приятно смотреть на таких героев.

Я обнял ее. Лучи солнца ярко отражались в лужах. Радостно щебетали птицы. По бирюзовому небу плыли редкие нежно-белые облака.

– Олег, ты не забыл? – вдруг спросила она. – Завтра ты встречаешься с моими родителями. Они уже знают о тебе. Я рассказала, что ты лучший, с кем я когда-либо была знакома. Мама обещала приготовить праздничный пирог. А папа заверил, что не будет к тебе приставать с лишними вопросами.

– Извини. Я не смогу завтра. Мне надо подумать.

– О чем подумать? – Она остановилась. Сбросив с плеч мой пиджак, протянула: возьми. И тихо спросила: – Как не сможешь? Объясни!

– Не могу. Потом. Мне надо подумать.

– Подумать?!

Она развернулась и быстро зашагала к троллейбусу. У меня внутри екнуло, но я почему-то не стал ее догонять.

III. Выбор сделан. Шаги в неизвестность

Комната наполнена солнечным светом. За окном поют птицы, крупный неуклюжий майский жук бьется о стекло, падает на подоконник и ползет, издавая звуки, словно гвоздем скребет.

– Хруща никогда не видели? – спросила бальзаковского возраста женщина и выключила магнитофон.

– Кристина Ивановна, – сказал я, – как быстро время пролетело! Кажется, я только вчера приехал в Москву.

– Да, время не остановить, но это не отменяет наше с вами занятие. Если вы не усвоите, не впитаєте в себя, не пропустите через себя то, о чем я говорю, у вас в дальнейшем возникнут трудности, а подсказать будет некому. Чем раньше вы примете эту мысль, тем легче вам будет двигаться дальше.

Я срочно сделал умное лицо и слегка наклонил голову, умножая 113 на 270. Дама улыбнулась и продолжила. А я вновь вернулся в то время, когда впервые приехал в Москву. Столица встретила меня проливным дождем и сильным ветром. Я быстро нашел нужный мне адрес. Со мной провели собеседование, я сдал вступительные экзамены и был зачислен под другой фамилией на самый закрытый факультет. Преподаватели занимались со мной индивидуально. Я совершенствовал языки – немецкий, испанский; изучал специфические предметы: связь, шифрование, топографию, приемы вербовки и методы ухода от слежки. Оттачивал навыки работы с радиопередатчиками, подслушивающими устройствами. В специальной фотолаборатории учился изготавливать микроточки и мягкую пленку, легко маскируемую в почтовых отправлениях и бытовых предметах. Изучал шифровальное дело и тайнопись. Знал, как выявить слежку, подыскать места для тайников и подобрать контейнеры для малогабаритных закладок. Прослушал лекции о структуре и методах работы американской, английской, западногерманской, французской разведок и контрразведок. Опытom делились преподаватели, проработавшие много лет за рубежом. Вот и Кристина Ивановна была разведчицей-нелегалом в Испании, Латинской Америке. Многоопытная и знающая, она охотно делилась нюансами работы. Она привлекательна, романтична, загадочна. Меня удивляло ее умение перевоплощаться. Из скромной и загадочной женщины аристократического круга она легко могла превратиться в дурковатую деревенскую девчонку, и я не раз ловил себя на мысли, какая она на самом деле? «Интересно, какие чувства гнездятся в ней помимо работы?» – пронеслось в моей голове, и я снова посмотрел в окно, где буйно цвела сирень, откуда доносилось щебетанье птиц. «Ив-ив-ив» – издавал сильный свист соловей, ярким звоном его перебивала синица. Женщина подошла к окну.

— Соловья слушаете? И о чем он поет?

Ответить я не успел – в класс вошел стройный, в модном коричневом двубортном костюме и шляпе Дробот. И с порога:

– Кристина Ивановна, отпустите своего «двоечника». Ему свежий воздух не помешает (когда Андрей хотел поговорить со мной по душам, он предлагал прогулку на свежем воздухе). – Вы, Кристина Ивановна, настолько прекрасны, что вас хочется сравнить с цветком розы (он умел петь дифирамбы, и я в глубине души завидовал ему). Вам говорил кто-нибудь, что вы само совершенство? – спросил он.

– Ах, Андрей. Умеете вы подкатить. Но мне не привыкать. В моем архиве столько джентльменов, что сама Мата Хара позавидовала бы... Забирайте своего орнитолога. Он сегодня сам не свой. Вещь в себе. Я бы сказала, без жизненного драйва.

– Расставаться с вами не хочет, боится самостоятельной жизни. Молод еще.

Она улыбнулась:

– К сожалению, молодость быстро проходит.

Мы вышли во двор и, обойдя кусты душистой сирени, открыли маленькую дверь, за которой узкая тропинка вела в густой лес.

Обилие лесов – вот что отличало Подмоскovie от той местности, где я вырос. Мы углубились в лес. Над нами нависали стройные вековые сосны. Мы шли не спеша, слушая заливи-стое пение, щебетание, треньканье и чириканье маленьких крылатых созданий. Воздух, напоенный запахом хвойных деревьев, бодрил, и хотелось дышать всей грудью до головокружения. На опушке мы остановились, любуясь на светло-коричневых белок с пушистым хвостом, которые носились с ветки на ветку.

– Олег, – сказал Дробот. – Я хотел бы, чтобы ты запомнил мои слова. Зимний дворец брали без нас. Наш Зимний впереди. Марксизм – это революционное преобразование мира. Мы с тобой солдаты в этой непростой борьбе. Как сказал кто-то из философов, жить надо ради того, за что можно умереть. Когда-нибудь может возникнуть выбор: а готов ли ты погибнуть не задумываясь?

Он умолк, внимательно глядя мне в глаза. Затем продолжил:

– Понимаешь, это легко сделать, когда идет война. Но когда вокруг так прекрасна жизнь, все благоухает, птички поют, нет массового психоза истребления... Здесь надо иметь больше силы, чем в то время, когда гибнут многие. Погибнуть в одиночку, заслонив собой других. Молча. И такое может быть. И никто не будет знать, где и при каких обстоятельствах. Готов ли ты? Задай себе вопрос. Мне не нужен твой ответ. Мне хотелось бы, чтобы ты осознанно понял риски профессии. И был готов ко всему.

– Андрей Тимофеевич, личный вопрос: вы женаты? – спросил я.

– Нет. А почему ты спросил?

– Лида ищет.

– Запомни, Олег. Нелегал себе не принадлежит. Он должен быть готов к неизвестности. Это не высокие слова. В военную разведку приходят один раз и на всю жизнь. Ты собственность государства, которому служишь. Можно сказать, повенчан с ним. Лиду отложи на потом... А пока мы с тобой – «ночные летучие мыши» в мире дикой природы.

– Почему мыши?

– Охота за быстро перемещающейся добычей требует высокого искусства полета. Мышь слышит носом, видит ушами. Разве это не пример для подражания? – улыбнулся он прислушиваясь. Треснула ветка, на которую села ворона. Птица крикнула. Ее поддержали другие сородичи. Дробот продолжил: – Ты уедешь с чужим паспортом на оседание в Германию, потом из нее в другую страну и там начнешь работать. У тебя будет полная свобода действий, неограниченные возможности для творческого поиска любого подходящего для разведки объекта...

Мы еще какое-то время бродили по лесу, потом Дробот посмотрел на часы:

– Пора возвращаться, – сказал он.

Пошли обратно уже знакомой тропинкой. Вскоре вышли к ручью. Перепрыгнули его и оказались у высокого зеленого забора. Через неприметную дверь вошли на территорию разведшколы.

Выпуск прошел скромно, в узком кругу. Мне выписали документы на имя Павла Васильевича Анохина, вручили ключи от комнаты в коммунальной квартире в доме на 1-й Мещанской улице, и я поехал заселяться. Дом был в двух шагах от станции метро «Мещанская слобода». Поднявшись по лестнице на второй этаж, подошел к двери с табличкой 46. На стене несколько электрических дверных звонков. Нажал на первую попавшуюся кнопку. Долго не открывали. Затем послышались шаркающие шаги, и заспанный женский голос недовольно спросил: кто там?

– Я ваш новый жилец, – сказал я.

Дверь отворилась. На пороге стояла старуха в аляпистом халате, на голове у нее была белая косынка, из-под которой во все стороны торчали седые волосы. Она была в шлепанцах и толстых шерстяных носках. С минуту разглядывала меня. Из-за того, что один глаз ее косил, казалось: она смотрит мимо меня куда-то вдаль. Я предъявил ей ордер и ключ и попросил показать мою комнату. Она повела меня по длинному коридору и остановилась у двери, окрашенной толстым слоем серой краски. Я открыл дверь и вошел. Старуха осталась стоять в дверном проеме и наблюдать за мной. Комната была большой и квадратной. Высокий потолок. Два окна выходили на дорогу, и оттуда доносился автомобильный гул. Из-за того что на окнах не было штор, комната была наполнена светом. Из мебели двуспальная кровать, круглый деревянный стол со стульями, платяной шкаф и этажерка, на полках которой стояли книги. Я взял одну. Это была работа Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Я поставил книгу на полку и услышал приглушенный кашель. Старуха застыла на прежнем месте и не уходила.

– Вас как зовут? – спросил я.

– Агриппина Леопольдовна, – ответила она и поинтересовалась: – Вам все понравилось? – Я ответил, что да. – Сейчас я представлю вас другим жильцам, – сказала она.

Я не возражал и последовал за ней в коридор. Здесь уже кипела жизнь. Жильцы сновали по коридору: кто на кухню, кто в ванную комнату. Вскоре я уже знал всех обитателей этого жилища. Ближайшим соседом был младший лейтенант Григорий Ильин со своей семьей. Он служил в роте охраны Министерства обороны. Его жена Валя, бойкая темноволосая молодуха, славилась тем, что умела варить вкусный украинский борщ, их маленькие дочери Ирина и Света подружились со мной и стали просить, чтобы я читал им сказки на ночь. В комнате напротив жил грузчик Володя, работал в овощном магазине в этом же доме. Он был запойным алкоголиком, но безобидным, вел себя тихо. Рано уходил на работу, вечером возвращался на дрожжах и, как серая мышка, незаметно нырял в свою комнату, не выходя из нее до утра. По выходным, когда был трезв, он читал книги, лежа на кровати. Читал все подряд, что мог подобрать на дворовых мусорках. Охотно делился книгами с соседями. Среди собутыльников у него был известный танцовщик Большого театра. Владимир гордился дружбой с ним. И все бы ничего, если б не одно обстоятельство. Часто по утрам в туалете на полу оставался след – проспиртованная лужа. Стали грешить на Владимира. С ним поговорили. Но к душевным беседам и уговорам он оказался невосприимчив. Кивал головой, соглашался с нашими аргументами, что нельзя поливать полы в туалете, что существует туалетный этикет, который необходимо всем соблюдать, что есть для этого специальное приспособление, которое называется унитазом для мочеиспускания и справления естественных нужд, но с упорством, достойным лучшего применения, продолжал оставлять липкие следы и запахи плодово-ягодных вин. Но

иногда это была обычная вода. И соседка Валя терялась в догадках: зачем он окропляет пол водой из-под крана? Специально для пьющего соседа на двери повесили правила поведения в туалете. И терпеливо ждали и надеялись, что мера эта когда-нибудь вразумит его.

Самым колоритным персонажем, не трудно догадаться, оказалась старушка Агриппина Леопольдовна. Все звали ее бабой Груней. Она была старожилом этой квартиры. Заехала в нее еще в 1927 году. Всю свою сознательную жизнь работала уборщицей в энкэвэдэшных учреждениях. Несмотря на пенсионный возраст, все еще подрабатывала. И почему-то считала, что она должна знать все о своих соседях, даже то, как она любила повторять, что они «сами о себе не знали». Была она хромой, с небольшим горбом и перекошенным телом, отчего казалось, что ходит она боком, словно крадется вдоль стены. Она появлялась в местах общего пользования незаметно, будто выходила из стены. А косоглазие делало ее похожей на ведьму. Была она молчаливой и тихой старухой. И если бы не эта ее страсть знать обо всех все, то и вовсе была бы безобидной старушкой. Так поначалу думал я. Но однажды я стал свидетелем разговора жены Ильина Вали с бабушкой Груней. Валя застала соседку, когда та снимала пробу с ее украинского борща, стоя над кастрюлей. Возмутилась. «Еще раз увижу, выброшу в окно», – грубо припугнула она. «А я твоему мужу расскажу такое, что ты сама про себя не знаешь», – ответила старуха. Как-то муж Вали предупредил меня, что старуха регулярно пишет на всех доносы и что его уже не раз вызывало к себе начальство за то, что он якобы водит в дом женщин. Зачем ей это надо? Очевидно, иной жизни она не знала. Продолжала делать то, что лучше всего умела делать, считал офицер. «К вам она присматривается. Тактика у нее такая. Сразу не набрасывается». И действительно, как-то она подошла ко мне и вкрадчивым тихим голосом прошептала: «Я вас раскусила».

– Да? – искренне удивился я. – Что это значит?

– Ваши частые командировки навели меня на мысль: вы служите в «закрытом месте».

– И что?

– Вы «свой», и вам можно довериться. – Она отошла к стенке, сощурила глаза, словно присматриваясь, и прошептала: – Вы же оттуда?! Вы меня понимаете? – она пристально смотрела мне в глаза. Было забавно за ней наблюдать, и я не стал ее разочаровывать:

– Да, – сказал я. – Только об этом никому ни слова. Договорились? Отныне будете обо всем докладывать мне.

– Есть! – тихо сказала бабушка. – Только вам, а вы – начальству. Вы меня поняли?.. – И стала шепотом рассказывать «ужасные истории» о жильцах этой квартиры, которые жили в ней на протяжении многих лет. Я понял, что старушка слегка не в себе – старческое слабоумие, и чтобы не слушать ахинею, в шутку предложил докладывать мне обо всем письменно: – Соседи могут подслушать. Вы меня поняли? – тихо спросил, подражая ей.

Она согласно тряхнула седой головой. Теперь по вечерам, когда я приходил, она доставала из кармана фартука мятую записку, написанную почему-то химическим карандашом, и совала бумагу в руку. Старушка-доносчица оказалась неграмотной. Писала с ошибками. И мне пришлось подарить ей учебник русской грамматики, сославшись на начальство, которое повысило требование к своим тайным агентам: «Веление времени, – сказал я. – Все должны быть грамотными. А патриот обязан четко мыслить, говорить и правильно писать». Но ее строгое требование нисколько не смутило. Она оказалась способной к обучению. Через какое-то время я стал получать от нее «донесения», написанные без грамматических ошибок со строгим порядком слов в предложении. В конце текста она делала свою фирменную приписку: «Докладываю на ваше решение». Каково же было мое удивление, когда она очередной донос оформила ямбом и хореем. Со временем у меня скопилось целое собрание донесений от бабы

Груни. Для их хранения я завел специальную папку, подписав красным карандашом «Досье бабы Груни».

Однажды она прокололась. Соседи поймали ее с поличным, когда она подливала воду на пол в туалете. И слегка подвыпивший грузчик Владимир расплакался:

– Я же вам говорил, что не виноват...

Так раскрылась тайна воды на полу в уборной. Я пригласил своего «агента» «на ковер» и потребовал объяснений.

– «Засветка» нам ни к чему, – сказал я. – Вдруг узнает начальство, что тогда?

Баба Груня дрожала, как осиновый лист. Обещала исправиться: больше не компрометировать соседа.

Метро было в двух шагах от дома. Я спустился в подземку, и оказался на платформе, где было полно народу. Мне нравилось наблюдать за людьми (лицами, походкой, одеждой). Эту привычку мне привили в разведшколе. Подошел поезд, я вошел в вагон. Почти все пассажиры читали газеты. Вышел на станции «Дворец Советов» («Кропоткинская») и не спеша пошел по Гоголевскому бульвару к Арбатской площади. Впереди высился памятник Н.В. Гоголю. Веселый Гоголь стоял во весь рост в коротенькой пелеринке, похожей на шинель главного героя повести «Шинель» Акакия Башмачкина, и взирал на всех с одобрением и лукавой усмешкой. А всего в четырехстах метрах отсюда, во дворе дома, где, по преданию, сумасшедший писатель сжег в камине вторую часть «Мертвых душ», сидел другой Гоголь, печальный, уткнувшийся свой длинный птичий нос в воротник бронзовой шинели. Почему-то тот Гоголь казался мне настоящим, а этот был похож больше на военачальника, чем на писателя. Может потому, что неподалеку располагались административные здания Министерства обороны?

Перейдя дорогу, я вышел на улицу Фрунзе (Знаменка), подошел к дому 19. Открыв тяжелую дубовую дверь, оказался в вестибюле и, пройдя мимо часового, поднялся на четвертый этаж.

Дробот был один в кабинете. Он разговаривал с кем-то по телефону. Не прекращая разговор, он кивнул мне, жестом показав на кресло, куда можно сесть.

Пока Дробот говорил, я стал рассматривать кабинет. В нем я был впервые. Массивный из марианского дуба стол, книжный шкаф, кожаный диван, два кресла с потертой старой кожей. У окна – янтарного цвета красивый столик из березы.

Наконец Дробот положил трубку. Подошел здороваясь.

– Мебель понравилась? – сказал он. – Трофейная. Из рейхсканцелярии Гитлера. Красивая и удобная.

Вернувшись к столу, он взял коричневую папку и протянул мне.

– Здесь твое задание и досье на генерала Манфреда Шульца. Интересная личность. В конце 1936 года в чине майора он был назначен руководителем отдела Абвер. Оказался талантливым. Быстро рос в чинах. С 34-го по 43-й возглавлял один из ключевых отделов Абвера, занимался сбором разведывательной информации за рубежом – комплексной разведкой политико-экономического и военно-технического потенциала вероятного противника. Был правой рукой адмирала Канариса, главного разведчика Германии. Как руководитель отдела Абвера он регулярно сопровождал его во время служебных командировок по Европе. Занимался организацией агентурных сетей в Европе. В сороковом по личному распоряжению Гитлера выехал в

Копенгаген на конспиративную встречу с лидером норвежских фашистов Квислингом, передал инструкции руководству «пятой колонны» Норвегии. Перед вторжением вермахта в Северную Европу отдал приказ активизировать заброску на территорию Дании и Норвегии диверсионно-разведывательных групп. Под его командованием находилась целая армия шпионов на всех континентах. Но после начала русской кампании, когда стало выясняться, что предоставленные Абвером сведения о советском военно-промышленном потенциале не только отрывочны и разрозненны, но попросту не соответствуют действительности, потерял доверие Гитлера. Разразился скандал, и Манфред обратился к Канарису с просьбой о переводе его в действующую армию. В марте 43-го года по личному распоряжению Гитлера он принял под свое командование пехотный полк и был отправлен на Восточный фронт. Закончил войну командиром 208-й пехотной дивизии в звании генерал-лейтенанта. «Золотой немецкий крест» и «Рыцарский крест с дубовыми листьями» он получал из рук Гитлера.

Дальнейшая его судьба не столь героическая. Он много времени провел в 188-м специальном лагере под Тамбовом. В ближайшее время будет переведен в Свердловский лагерь. Твоя задача: войти к нему в доверие. Как это сделать, надеюсь, знаешь. Кстати, у него проблемы со здоровьем. Экзема. Вот и поможешь избавиться от нее: твоя бабка, известная в Германии ведунья, делала диагностику и лечила людей. Жила она около Папнбурга. В округе ее знают все. Для убедительности вспомнишь, что в детстве у тебя были бородавки. Врачи сделать ничего не могли. Она посмотрела и пообещала убрать сразу. И чудо свершилось: не прошло и недели, как у тебя на руках и следа не осталось.

– Так просто? Разве он верит в чудеса?

– Представь себе, да. Если верит в тибетских лам и индийских йогов, поверит и в твою бабушку-знахарку. А еще он верит в левитацию. Когда человек может подняться в воздух, ходить по воде или сидеть на ней. Он стремится абсолютно овладеть своей волей... Средство от экземы получишь – на первое время хватит, а также инструкцию, как изготовить мазь в лагерных условиях. – И он протянул мне папку. – В ней психологический портрет генерала: темперамент, характер, увлечения, индивидуальные особенности. Перед тем как ехать в лагерь, нужно как можно больше узнать о жизни за колючей проволокой, познать энциклопедию жизни в лагере, способы выживания. Для этого тебе придется встретиться с бывшим узником лагеря французом Ричардом Душник-Блестеном. Они большие друзья с генералом. Сидели вместе во многих пересылках, в том числе и в Тамбовском лагере. Живет француз в Эстонии.

Дробот встал, давая понять, что разговор окончен. Он смотрел на меня неотрывно, затем хитро улыбнулся:

– Удачи, Herr Петер Беккер, – сказал он, пожимая руку.

– Danke! Herr oberstleutnant, – ответил я.

В поезде, читая бумаги, которые вручил Дробот, я мысленно пытался нарисовать психологический портрет личности генерала Манфреда и составить некое представление о нем. Легко сказать, войти в доверие. Генерал по сравнению со мной волчище. Как вербуют и входят в доверие, он знает гораздо лучше.

Небольшой эстонский городок Валга. Я без труда разыскал бывшего узника Тамбовского лагеря Ричарда Душник-Блестена. Это был обаятельный, располагавший к себе человек. Худощавый и жилистый. У него была доброжелательная улыбка, и внешне он был похож на шкипера рыболовецкой шхуны. К тому же оказался разговорчивым. Охотно делился воспоминаниями, а я внимательно слушал, стараясь запомнить как можно больше деталей из лагерной жизни.

– Я парижанин, работал до войны архитектором в Версале, – сказал Ричард. – В Лотарингии только сражался против бошей. Там и попал в плен к немцам. Бежал. Воевал против фашистов вместе с поляками из Армии крайовой. Под Вильнюсом партизанский отряд, в котором было несколько французов, влился в ряды Красной Армии. Но вскоре французов отделили и увезли в лагерь для немецких военнопленных в Потьму. Работал художником в клубе управления лагеря. Через некоторое время всех французов переправили в спецлагерь № 188, что был в местечке Рада в десяти километрах от Тамбова. Никаких работ в лагере практически не велось. Мы только обслуживали самих себя. Ежедневно выделялись команды для заготовки дров, на кухню.

Знаете, что в нашем лагере было самым страшным? Безделье. От него впадали в уныние. Особенно эльзасцы и лотарингцы. Они не верили, что когда-нибудь вернутся к себе на родину. Ведь все они воевали на стороне немцев, пусть даже и поневоле. Соберутся, бывало, в кучку у печки и говорят об этом без конца. Еще одной непреходящей темой для разговора была еда.

– Как вас кормили?

– Французских военнопленных кормили не хуже, чем питались советские люди, жившие на воле. Среди нас была большая смертность. Но люди умирали не от голода, а от ран и болезней. Помню в этой связи такой случай. Был среди нас один эльзасец. Парень неунывающий, из тех, что нигде не теряются. У него была самодельная скрипка, на которой он прекрасно играл в джазовом стиле. И вдруг он умер. Выяснилось: чтобы улучшить себе питание, он часто сдавал кровь, видимо, слишком часто. Сердце не выдержало... Молодой, здоровый парень, он хотел питаться так, как привык раньше. Но шла война. Люди постоянно недоедали... Когда я сидел в немецком лагере, то питание там было намного лучше, чем в Тамбове. Ведь мы получали из Франции, от родных, посылки через международный Красный Крест. В Советский Союз такие посылки не шли.

Зато в отличие от немецкого лагеря в тамбовском не стреляли, не кричали, порядки там были, можно сказать, человеческие. Бывало, идет дождь. А нам надо проводить вечернюю поверку – обязательный ритуал лагерной жизни. Но мы не выходим во двор, как обычно, а строимся в бараках.

Действовали клуб, библиотека с книгами на языках, «представленных» в лагере. Постоянно – художественная самодеятельность.

Я сам составлял списки тех, кто должен был уехать во Францию. Они несколько раз переделывались: то этого вычеркнут, то того впишут. Наконец нас погрузили в эшелон и отправили в Одессу. Там поместили в санаторий НКВД. Питание великолепное, и через несколько дней нас было не узнать. Накануне отъезда во Францию я договорился с другом Марселем Бурдые обязательно отпраздновать это событие и пошел в город за шампанским.

К своим я больше не вернулся. Ни они меня не видели, ни я их. Около года меня продержали без суда и следствия в НКВД. Однажды вызвали и предложили расписаться на бумажке, где было сказано, что по статье 58, пункт 2 я осужден на семь лет «за вооруженное вторжение в пределы Советского Союза». Чего только не пришлось пережить за эти долгие семь лет. И били, и истязали. Мне хорошо знакомы пересылки – харьковская, горьковская, Кировская... Прошел через Лубянку.

Сокамерниками моими были русский инженер из Харбина, английский моряк, немецкий генерал, тракторист из Волгограда, воевавший в армии Власова, и еврей из Риги. Потом меня отправили в Бутырскую тюрьму. После нее поместили в Печорский лагерь. Там были немцы. Несколько высокопоставленных офицеров и генералов. Но иностранцев почему-то долго в одном месте не держали. И вскоре я очутился в городе Шахты. Вместе с немецкими военнопленными строил «Южную Нежданную шахту».

Каких только национальностей не было в лагере. Я подружился с немецким генералом Манфредом, с ним мы познакомились еще на Лубянке. Он был большой шишкой у Гитлера. Правой рукой начальника военной разведки Канариса. Но особенно мне были симпатичны испанцы. Не те, кто воевал на стороне Франко, а коммунисты, обманутые люди. Когда франкисты взяли верх, они вынуждены были покинуть страну и выехать в Союз. Их встретили как героев. Но климат им не подошел, и они решили уехать. Но куда? В Испанию нельзя. Выбрали Мексику. Язык практически тот же, климат подходящий. Обратились с просьбой к Сталину. Им ответили: хорошо, подумаем, ждите. И вдруг всех их арестовали, отправили в лагерь... Вскоре меня перевели в другой лагерь, и что с ними – не знаю.

Выйдя из лагеря в 1952-м, длительное время я жил на поселении. Не имел гражданства. Передвижение по стране было ограничено. Но все время мечтал лишь об одном – уехать во Францию. Обращался во многие инстанции. На письменные мои запросы никто не отвечал. Решился на отчаянный шаг. Надел берет и с «Юманите» в руках несколько раз прошелся возле милиционера у здания французского посольства в Москве. Улучил момент – и на крыльцо. Милиционер кричит: нельзя! А я ему в ответ что-то по-французски, рукой махнул – и в здание. Не описать чувства, что мной тогда овладели. Соотечественники внимательно выслушали меня. И ответили: мы знаем о вас, но идти на конфликт с советскими властями из-за вас не хотим. Дело у вас слишком запутанное и сложное... Вот так я остался ни с чем. Писал письма с просьбой о реабилитации. А в ответ получал отписки: вина доказана, и вы не подлежите реабилитации. Реабилитирован лишь недавно.

Ричард Альфредович умолк, мы оба без слов стали разглядывать фотографии военнопленных. Вдруг он снова заговорил:

– Знаете, недавно получил письмо от друга Марселя Бурдые, того самого, с которым мы тогда в Одессе так и не распили шампанское. Приглашает к себе в гости.

Я посмотрел на часы. Подумал: столько времени проговорили, а о генерале я так ничего и не узнал.

– Ричард Альфредович, вы упомянули генерала Манфреда Шульца. Что это за человек?

– Вас интересует генерал Манфред? – обиделся Ричард. – Вы бы так и сказали, и я не стал бы утомлять вас подробностями своей жизни.

...Я возвращался в Москву, имея, как мне тогда казалось, полное представление о генерале, о его привычках и психологических особенностях.

IV

. Свой среди чужих

Позолота покрыла верхушки деревьев. Я иду по опавшим пожелтевшим листьям, которые шуршат под ногами. Где-то вверху, спрятавшись среди листвы, дятел старательно долбит по дереву, добираясь до личинок, барабанная дробь разносится по всему лесу. Ночью у меня

разболелся зуб. Из-за зубной боли и долбежки дятла я испытывал неприятное чувство. И не заметил идущих военных. Они окликнули меня. Я остановился, и майор потребовал, чтобы я подошел. Я опешил. Это был Дробот.

– Приведите его ко мне, – сказал он. Солдаты скрутили мне руки за спиной и бросили на колени.

– Как фамилия? Почему не работаешь? – спросил он по-немецки.

– Петер Беккер, сильно болят зубы, – ответил я, глядя на его отполированные кожаные сапоги и не понимая, что происходит.

– Мы можем ему помочь? – спросил офицер у солдат. Те пожали плечами. Добродушного вида солдат показал увесистый кулак: – Разве что это?

– Свободен, – сказал майор и пошел как ни в чем не бывало, насвистывая «Я люблю тебя, жизнь».

Подошел Вебер, помог подняться. На моем лице было выражение крайнего недоумения

– Потерпи, – сказал он. – Эти русские приехали из Москвы. У них списки тех, кто первыми уедет домой. Повезет – и мы все скоро будем дома, в нашей разоренной Германии.

– Но это же черт знает что, – сказал я, искренне ошарашенный таким обращением. Позже я задал Андрею вопрос, зачем так грубо обошлись. Он ответил: «Для убедительности. Ты не должен теряться ни при каких обстоятельствах. Тем более удивляться. Ты же, увидев меня, готов был броситься обниматься, вместо того чтобы смотреть дерзко, ощерившись, или смиренно, но никак не удивленно. Растерялся, братец! Хорошо, что конвоиры свои ребята, все правильно поняли. Для немцев ты пострадавший. Они запомнят, что тебе досталось только за то, что попался на глаза психу. Маленький урок на будущее.

– Сколько еще мне лес валить? – спросил я.

– Намечается встреча Хрущева с Аденауэром, на ней будет обсуждаться вопрос о досрочном освобождении всех и репатриации в Германию. Так что будем считать, тебе повезло, – улыбнулся он. – Но не торопись радоваться. Этот лагерь будет закрыт. Многих переведут в другой, на Урал. Насколько затянется процесс, точно не знаю. Сейчас работаем над списками. Обещать могу только, что уедешь раньше генерала Манфреда. Его отправят последним, с теми, кто «не амнистирован».

– Да, спасибо, товарищ майор! Обнадежили.

– Помни: у него в голове архив Абвера. Шпионская сеть не только Европы, но и Америки.

Фильтрационный лагерь НКВД № 188 расположен в лесу, в 15 километрах от Тамбова и в 5 от станции Рада. Я нахожусь здесь уже целую неделю. Поместили меня в барак вместе с немцами (селили по национальностям). Мои сокамерники – военные преступники, приговоренные к 25 годам трудовых лагерей строгого режима. Это бывшие военнослужащие специальных карательных частей, таких, как 2-я танковая дивизия СС «Дас Рейх», 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» («Тотенкопф»), дивизия «Великая Германия», а также представители спецслужб.

Лагерь интернациональный. В нем до недавнего времени содержались не только немцы, итальянцы, венгры, но и французы, японцы, бельгийцы, люксембуржцы и даже англичане. Сейчас их осталось всего ничего, считанные единицы. Японцев тут всего семь человек. Выглядят они лучше других – свежая форма, как будто только что со склада, воинские знаки отличия и холодное оружие.

Сегодня я купил в лагерном ларьке кильку и бычки в томате, бочковой селедки, плавленых сырков «Дружба». По подсказке удалось раздобыть самогон. К чаю припас мятных пряников, развесных конфет – подушечек с самой разной начинкой и мятных леденцов «Театральные». Будем знакомиться, хотя биографии многих мне известны. Приехавшие одновременно со мной несколько человек из других лагерей это уже сделали. Несмотря на то что я твердо заучил текст своей легенды, по понятным причинам волновался. И даже чувствовал страх. Где-то в горле появился комок, дыхание перехватило. Бр-р-р! Я вспомнил совет, который услышал в разведшколе. Чтобы снять зажим в теле, который мешает здраво мыслить и нормально говорить, полезно дать большую нагрузку мышцам, а затем расслабиться. И я стал напрягать и расслаблять мышцы. Совет оказался как нельзя кстати. Дыхание поначалу было прерывистым, но, сделав пару глубоких вдохов (двойной вдох-выдох) и сказав себе: у меня все получится, я начал свой рассказ.

По легенде родился я в Саксонской Швейцарии, южнее Дрездена, у чешской границы. Вырос в окрестностях Дрездена, ходил в школу, сдал экзамены на право поступления в университет, вступил в гитлеровский союз молодежи, а в конце 44-го пошел добровольцем в армию. Знакомясь с солагерниками и рассказывая о себе, я не забывал о мелких деталях. Нас учили жить в свинарниках, повествовал я, на сеновалах, в окопах – это была хорошая практическая подготовка к фронту. Бывало, все наши вещи выкидывали из окон казармы, и мы в кратчайшее время должны были привести все в порядок. Постоянные ужасные 25-километровые марши с полной выкладкой, ежедневная муштра... Нам говорили, что пот экономит кровь, тяжело в ученье – легко в бою. На фронт я прибыл в начале зимы 44-го в распоряжение коменданта генерал-майора Генриха Ремлингера. Мне предложили участвовать в карательных экспедициях, пообещав повышение в звании и более высокое денежное довольствие. Во время карательных операций мы сожгли несколько сел и деревень, в которых были в основном женщины и дети. В феврале 45-го попали в плен. В 46-м нас судили. Группу офицеров во главе с генералом Ремлингером признали виновными в насилии над гражданским населением и прилюдно казнили на площади в Ленинграде. Мне и еще нескольким офицерам удалось избежать смертной казни. Повешение нам заменили каторжными работами сроком на 25 лет. Я успел побывать во многих лагерях Ленинградской области... Генерал Манфред, слушавший мой рассказ, ни разу меня не перебил. И было непонятно, поверил он мне или ему было глубоко наплевать на обстоятельства моей жизни. Только бывший летчик-ас Эрих Хартман спросил: сожалею ли я, что участвовал в карательных операциях. Я сказал: да. Он кивнул и многозначительно посмотрел на рыжего офицера СС Ганса Рюгена, с которым, я догадался, у них давний спор.

– Я не согласен, – сказал Ганс. – У нас не было альтернативы. Мы просто обязаны были навести порядок у себя в тылу. Вам, летчикам, нас не понять.

– А как же из Библии «Нет ни эллина, ни иудея?»

Ганс пожал плечами: «Это было сказано в другую эпоху. Наши ученые установили, что германская раса обладает исключительными качествами».

Полковник Альберт Арцер перебил его.

– С мирным населением воевать было нельзя, – сказал он. – Это только озлобило людей против нас.

Немцы втянулись в дискуссию. Я аплодировал себе. Мне было легко, как после экзамена. Я даже приосанился. Обо мне забыли. Значит, поверили. Я стал прислушиваться к тому, о чем они говорят.

– В лагерях мы расстреливали не только комиссаров и коммунистов, а всех кого попало, – сказал Ганс. – Евреев расстреливали, потому что еврей и комиссар, по сути дела, одно и то же. Мусульман, поскольку обрезание свидетельствовало о принадлежности к еврейской нации. Людей с высшим образованием – разве недочеловеки имеют образование? Офицеры, которые отказывались с нами сотрудничать, тоже долго не задерживались. В лагере под Александрией я потребовал от пленного капитана данные о советских частях, сдерживавших натиск у Днепра. Он ответил: «Советские офицеры Родиной не торгуют, и ничего я вам не скажу». Разве можно было стерпеть такую наглость?!

– Подобную наглость стерпеть нельзя, – иронично заметил Арцер.

– Вот-вот, – продолжил Ганс. – Перед тем как застрелить, ему на спине вырезали звезду.

– Да, нас тоже привлекали, – сказал Арцер. – Мы стояли в Кривом Роге. Администрация лагеря каждое воскресенье объявляла по местному радио: «Немецкие солдаты! Желающих принять участие в экзекуции русских военнопленных просим прибыть в лагерь к 12:00». Пленных выстраивали, окружали военной охраной с овчарками, и начиналось избиение. Мне, признаться, это не нравилось...

С Арцером у меня сложились хорошие отношения с первого дня моего здесь появления. Летом 44-го он был среди тех военнопленных, которые прошли в колонне по Ленинградскому проспекту и улице Горького (сейчас – Тверская), по Садовому кольцу Москвы. Куда его только не заносило за годы плена! Он побывал и на шахтах Донбасса, и в Баку, и в Казахстане. Выучил русский. Любил вставлять в свою речь матерные слова. В Днепропетровске у него был роман с русской девушкой Валею. В 49-м она родила сына. Альбертом побоялась назвать. Назвала Александром. Показывая мне снимок губастого мальчонки лет пяти, удивительно похожего на него, он доверительно сказал, что в Германию он не вернется. Поедет к Вале.

Разошлись спать. Я долго ворочался, не мог уснуть. Мои новые «товарищи» были непростыми людьми. Взять хотя бы Эриха Хартмана. Он ас люфтваффе. Сбил 352 советских самолета, а всего около 800 (общее количество сбитых самолетов вызывало сомнение у скептиков). Он разработал спецтактику – расстреливал самолеты противника только с максимально близкого расстояния или атаковал из засады. Его сбивали 14 раз, летом 43-го его «мессершмитт» был подбит в очередной раз. Он притворился раненым. Советские солдаты погрузили его в грузовик и повезли в штаб. Улучив момент, Хартман ударил охранника и, спрыгнув с грузовика, оказался в поле, где росли подсолнухи. Стреляли вдогонку, но его не задело. Когда переходил линию фронта, чуть не убил немецкий часовой. Только за август 44-го он сбил почти 80 наших самолетов, 19 из которых за два дня. За это Гитлер лично вручил ему «Рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами». Воевал почти до последнего дня, 8 мая 45-го он сбил свой последний самолет и вместе с подчиненными сдался американцам, но вскоре пленных передали советским войскам.

В первый же день, когда я прибыл в лагерь, он подошел ко мне и предупредил: «Лагерь находится под управлением русской секретной полиции. Ей помогают немецкие предатели. Они называют себя Anfita. При пристальном внимании они оказываются бывшими врачами СС, лидерами гитлерюгенда и тому подобной швалью. Вчера они предали нас, а завтра предадут и новых хозяев. Таких людей нужно отправлять в ад».

Я погрузился в мир, еще недавно неведомый мне. В человеческом стаде плененных волков. Они считают меня своим. Мне удалось их в этом убедить. Но радует ли это меня?

Я вспомнил стихотворение Ильи Эренбурга «Немец».

Она погибла, как играла,
С улыбкой детской на лице,
И только ниточка кораллов
Напоминала о конце.

Подходит ночь. Я вижу немца,
Как молча он ее пытал.
Как он хозяйским полотенцем
Большие руки вытирал.

Глаза стеклянные, пустые
Не выражают ничего.
И кажется, что вся Россия
В ночном дозоре ждет его.

Нет, я не хочу им понравиться. Мне надо показать, что я один из них, но я не овца. Я сам должен решать, что хорошо и что плохо.

Сегодня банный день. Мы строимся в колонну по трое и выходим за ворота лагеря. Под ногами грунтовая дорога с глубокой колеей, прорезанной в рыхлой песчаной почве, из-за чего идти трудно. Генерал Манфред и с ним двое высших чинов едут в маленькой коляске без верха, которую лениво тащит хилая лошадедка. Большие сенокосные поля чередуются с мелким осинником и березняком, закутанным в золотую листву. Сено уже скошено и уложено в стога. Две подводы, набитые доверху фуражом, медленно едут навстречу. На передней телеге сидит бородастый дед в старом рыжем пиджаке, надетом прямо на белую майку, и в туфлях на босую ногу, на другой – две милостивые девки. Когда подводы подъехали ближе, запахло свежим сеном. Я закрыл глаза. Этот запах трав напомнил мне сеновал в моем родном доме. «Иди поцелую, – зовет кто-то из лагерников, потом слышатся еще голоса: – Я тебя хочу обнимать, полюби меня...» Та, что постарше, раздурманенная и в помаде, покрутила пальцем у виска. И обе девушки внезапно разразились смехом. Дед цыкнул, и они умолкли.

Березняки сменил сосновый лес.

У Вебера, идущего рядом со мной, в руке сумка из мешковины, из которой торчат обмотанные бинтом ручки банных веников. Он специалист по веникам. Сам заготавливает, вяжет и сушит. Мытье с веником, говорит он, становится полезным и целительным.

– Далеко идти? – спрашиваю у Вебера. Он прокашливается (простужен), сплевывает и, прочистив горло, говорит:

– Километра три осталось. На станции Рада есть кочегарка. Ее приспособили под баню. Есть помывочная с холодной и горячей водой и даже небольшая теплая парная, мне она будет кстати. – Он снова кашляет и замолкает.

В последнее время немцы говорят мало, много курят и думают о дальнейшей своей судьбе. Пронесся слух: французов, итальянцев и других военнопленных в ближайшие дни

отправят на родину, а судьба немцев еще неопределённая. Все ждут встречу Аденауэра с Хрущевым, которая запланирована на октябрь.

Справа показались постройки какого-то лесничества. Во дворе стоит неказистый ЗИС-5, две полуторки и мощный американский «студебекер». Только на таких машинах можно ездить по здешним дорогам.

– У вас были вши? – вдруг спрашивает долговязый немец, идущий справа от меня.

Я не понял вопроса и переспросил.

– Вы кормили вшей на фронте? – повторил он. – Нас они не жалели, они перебежали от солдата к солдату, разносили сыпной тиф и «траншейную лихорадку».

– Нательная вошь! Нам тоже от нее досталось, – сказал я.

– Да, она основная, она доставляла нестерпимые мучения. Кровососы заползали под бинты, выгрызая раны. А если наложен гипс, то извлечь оттуда паразитов не было никакой возможности. Они гнездились там до окончания века.

– Мы дустом выводили, – сказал я.

– Ха... малоэффективное средство. Я познакомился со вшами под Смоленском. В металлическую бочку клали завшивленную одежду и ставили на костер, но со вшами погибало и обмундирование.

Чтобы спастись от сильных морозов, утеплялись чем попало, создавая благоприятную среду для размножения платяной вши. Как-то прислали чудодейственный порошок, по слухам, врач Гитлера изобрел. Никакого вреда он не наносил паразитам, зато имел зловонный запах. Эх, – сказал он задумчиво. – Вернусь домой и напишу книгу о фронтовом паразите.

Он умолк. Впереди показалась крыша вокзала. Когда мы подошли к зданию, из него выходили итальянцы. Они были веселы и смотрели на нас с превосходством. Ко мне подошел Марио Бруно. Уже несколько дней как я связной между ним и его возлюбленной (передаю им любовные записки). В лагере все знали гламурную историю его любви к русской девушке Клавье, жившей возле лагеря в таком же, как и мы, бараке. Воспылавший к ней нежными чувствами Марио пообещал, когда освободится, забрать ее с собой в Италию. Итальянская жена его не дождалась, вышла замуж и наплодила кучу детей.

Марио улыбается во весь рот, обнажая зубы по самые десна, и протягивает левую руку (косит под римлянина-военачальника). Правую он выбрасывает со словами: «Моритури тэ салютант!» (идущие на смерть приветствуют тебя!).

– Это наша последняя баня, – говорит он. – Прощай Россия, привет Италия!

– Поздравляю! – сказал я. – Мы тоже уедем. Есть надежда, что Аденауэр договорится с Хрущевым.

– Вы тоже уедете, – он делает притворно-печальное лицо и продолжает, – в Сибирь, лес валить, дороги строить.

Вот скотина, думаю я про себя.

– Но ты не горюй, – продолжает он. – Там бескрайние просторы, вы же о них мечтали? Леса. Будете ходить за грибами, на рыбалку. Мы вам пришлем вина. У меня есть свой винный заводик. Ты же любишь итальянские вина?

– Я люблю французские, они лучшего качества, – говорю дразня.

– Ладно, не обижайся, – он приобнимает меня. – Когда-нибудь и тебе улыбнется удача. И я уверен: ты заедешь ко мне, чтобы дегустировать мои вина и, само собой разумеется, купить. Я угощу тебя игристым вином Ламбруско урожая 1938 года с тончайшим ароматом и вкусом – любимый напиток врача папы Римского, – его щеки поднимаются выше, а глаза сужаются и заметнее становятся морщинки вокруг них.

Меня зовет Вебер, и я хочу уйти, но Марио не отпускает.

– Загляни сегодня, – загадочно говорит он. – Не пожалеешь.

– Хорошо, зайду, – обещаю я.

В кочегарке сыро. Полы мокрые, и впереди идущий долговязый немец, мечтавший написать книгу о фронтовых паразитах, поскользнулся, идет, прихрамывая и чертыхаясь: «Не мешало бы выставить табличку вроде «осторожно, мокрый пол».

Быстро раздеваемся – и в парилку. Вебер проявляет инициативу и берет банную процедуру в свои руки. Он кладет венички в таз, наполненный горячей водой. Взяв ковш, плескает на камни воду. Она шипит испаряясь.

– Надолго мы запомним русскую баню, – кричит он, захлопывая стальную дверцу печи.

То ли от жары, то ли от удовольствия слышались стоны и кряхтение.

Начинаются банные разговоры о чем попало. Я с жадностью ловлю каждое их слово.

После бани иду к итальянцам. В помещении накурено. Дым стоит коромыслом – куда только смотрит лагерная администрация?! Сквозь дым среди играющих в покер вижу Марио. Я жду, когда закончится игра. Вскоре он поднимается и, кивнув мне, молча идет в сторону кладовки, где берет чемодан, открывает его и достает сверток. Неторопливо разворачивает, и я вижу губную гармошку. Точь-в-точь как ту, что подарил мне когда-то немец.

– Откуда она у тебя?

– Выиграл у одного из ваших офицеров. Он мечтал отыграть ее, да не суждено. Упокоился с миром, – Марио кивнул в сторону окна, где за колючей лагерьной проволокой располагался безымянный погост. – Бери. Мне она ни к чему, а тебе пригодится, поможет скрасить лагерную жизнь, – сказал он. Я был обескуражен.

– А как Клавдия? – задал я первый пришедший на ум вопрос. – Ты же обещал увезти ее в Италию.

– Клавдюша! – Его лицо озарила улыбка. – Возьму с собой как трофей, на память о России, – сказал он то ли всерьез, то ли в шутку.

Я поблагодарил его за подарок и хотел было уйти, но он остановил меня.

– Сыграешь с нами? – предложил он. – Сегодня покерная погода. Посмотри, масть идет! – он кивнул в сторону стола, где лежала куча денег.

– Почему бы и нет!

В университете мы играли в покер. Форму нужно поддерживать. К тому же я понимал: нет ничего лучшего для разговорной практики, чем общение с теми, для кого язык является родным. Как только представлялась возможность, я старался погружаться в языковую среду в обычных жизненных ситуациях. Никакое обучение это не заменит.

Мы сели за стол. Марио взял большую алюминиевую кружку и поднес к моему носу.
– Угощайся, – сказал он.

Я ощутил рвотный запах самогона. Пригубив, я вернул кружку, и она пошла по кругу. А я стал наблюдать за игроками. Жиденький, зрелого возраста итальянец, его звали Адольфо, хорошо перетасовав карты, выровнял их, лихо подрезав, и приступил к раздаче четкими, отработанными движениями. Я сидел слева от него, и он начал с меня, а закончил собой. Вел себя излишне небрежно, говорил мало и был очень спокоен. Еще один игрок по имени Винсенте поворачивался то влево, то вправо, чтобы посмотреть, как собираются ходить оппоненты, пересчитывал что-то про себя и ерзал на стуле, передвигаясь или приподнимаясь. Самым спокойным был весельчак Марио. Он одновременно мог играть в карты и рассказывать анекдоты. «Есть чудесный старый итальянский анекдот, – сказал он, – про бедняка, который каждый день молился в церкви перед статуей святого: «Святой угодник! Молю, молю, молю... дай мне выиграть в лотерею!» Святому надоело. Статуя ожила, посмотрела на страдальца и говорит: «Сын мой, пожалуйста, сначала купи себе хотя бы один билет...»

Очевидно, игроки уже не раз слышали этот юмор и никак не среагировали. Я шутку оценил.

Мы уже сыграли две игры, и обе я проиграл. Решил отыграться. Раздавал Марио. Когда нервный Винсенте кинул карту, Марио остановил его.

– Не торопись, – сказал он, отодвигая руку своего нервного товарища. – Помнишь, как мы в 41-м хотели успеть поучаствовать в каком-либо крупном сражении и что из этого вышло?..

Очень спокойный Адольфо в сердцах бросил карту.

– Это не мы хотели повоевать, а Бенито Муссолини, – сказал он. – Хотел поучаствовать в борьбе за передел мира. Дуче понимал: обещание Гитлера превратить Украину в «общую базу продовольственного и военного снабжения» останется пустым звуком, если Италия не станет настаивать на своей доле.

Как немец, я должен был что-то сказать.

– Вы проиграли потому, что не знали русской поговорки: «Нельзя делить шкуру неубитого медведя», – сказал я и, прикупив к трефовой десятке и королю три карты – валета, даму и туза, взвинтил ставку – и в очередной раз сыграл в минус. Мне не везло. Не мой день, пытался успокоить я себя. Но куда мне было до них! Это были профессионалы. Настоящая покерная мафия.

– Не горюй, – сказал Марио, похлопывая меня по плечу, чтобы как-то успокоить. – Если суждено умереть, он умрет. А если суждено выиграть, он выиграет.

Я встал и пошел к себе. Мне не терпелось опробовать губную гармошку.

В бараке было темно. Не было света. Что-то произошло на подстанции. Пока чинили, Арцер времени зря не терял – заправил в лампу керосин, подрезал старый нагар на фитиле, чтобы не коптил, и зажег. Обычно по вечерам обыватели барака вели длинные разговоры про жизнь, про атомную бомбу, которая живо всех интересовала, и НАТО, которое было создано для борьбы с русскими. Но в этот раз все почему-то молчали.

Я разделся, лег на кровать и заиграл на гармошке, но на меня тут же шикнули. Вебер включил маленький приемник «Искра» на батарейках (он принимал только длинные и короткие волны), слышался писк морзянки и монотонный голос диктора, пересказывающий содержание газет, колонку за колонкой. Все ждали новостей о встрече канцлера ФРГ с советским лидером.

Ночью я проснулся от выстрелов. Встал и подошел к окну.

– Не бойся. Это русские охотятся на глухаря, – сказал очень спокойный и немногословный немец, имени которого я не знал, и тут же захрапел. Я вернулся к себе и еще долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к звукам за окном. Больше не стреляли. Зато началось токование глухарей, похожее на заточку косы или на откупоривание бутылки. Я охотился на глухаря и знал: в это время глухарь теряет слух, и надо успеть в короткое мгновение прыгнуть под песню. Поющих самцов было слышно до рассвета. Утром лес заполнился птичьим свистом, и песнь глухаря растворилась в нем.

Прошедший дождь со снегом образовал лужи, на которых появился тоненький ледок. Дул холодный северный ветер. Во дворе лагеря стояли три грузовика и одна легковая машина. Мы разместились в них, и колонна тронулась в сторону железнодорожной станции. На привокзальной площади колонна остановилась, и солдаты, одетые в меховые полушубки из овчины, открыли задние откидные борта. Нам всем приказали выходить. Мы послушно прыгали на землю, оглашая шлепками подошв сырой, холодный воздух. Я спрыгнул и, как все, стал приседать и размахивать руками, чтобы размять ноги и согреться. Тусклая серая пелена висела на небе. В воздухе стоял неприятный, тягучий запах сажи. Слышался паровозный гудок. Из легковой машины не спеша вышли трое высших чинов, среди которых был генерал-лейтенант Манфред.

Возле двух железнодорожных деревянных туалетов, похожих на скворечники и выкрашенных в ядовито-зеленый цвет с большими белыми буквами на двери – «М» и «Ж», образовалась живая очередь. Подошел Хартман и, махнув в сторону туалетов, прохрипел простуженным голосом: «Пойдем. Дорога дальняя. Удобств никаких. Сервис отсутствует».

Мы встали в хвосте цепочки. Двое немцев, один низенький, толстенький коротыш, от земли не видать, а другой долговязый брюнет в кургузом ватнике, шагнули за уборную, но щеголеватого вида советский офицер, одетый не по сезону – в легкую шинель и фуражку, громко крикнул: «Назад!.. Ушлепки, – сплюнул и выругался: – Распоясались, потеряли всякий стыд. А еще называют себя культурной нацией».

Я стал наблюдать за происходящим. Немцы послушно вернулись в конец очереди. Стоявший рядом с офицером часовой в ватнике, таких же штанах, заправленных в валенки, и шапке-ушанке засмеялся: «Когда приспичит, о совести можно забыть».

- Вот как надо одеваться, чтобы здесь выжить, – глядя на русских, сказал Хартман.
- Блицкриг подвел! Никто не планировал здесь надолго задерживаться, – сказал я.

Хартман согласно кивнул головой. Русский офицер продолжал командовать:
– Быстрее... быстрее проходите. Сделал свое дело – уступи место соседу...

Тот, что в ватнике, подошел к щеголеватому офицеру:

– Я вот смешной анекдот про немцев услышал. Старшина Петренко рассказал. – Солдат положил руку в рукавице с торчащим одним пальцем на ствол автомата, отчего казалось, что он держит весло. Продолжил: – На обочине дороги работают два немца. Один копает ямы, другой закапывает. Мимо проезжает водитель. Остановился и спрашивает: Что делаете? – Мы высаживаем деревья. Только человек, который вставляет деревья в ямы, сегодня болен.

Они засмеялись.

– А я услышал, как моя соседка под окнами уговаривала своего кота слезть с дерева, – сказал офицер. – Последняя ее фраза убила: – Ну, тогда, б...дь, не ори! Вей гнездо и ложись спать!

Они снова весело засмеялись.

Я невольно улыбнулся.

– Что он сказал? – спросил Хартман.

Я пересказал шутку. Хартман ухмыльнулся:

– Да, русские умеют шутить. Без юмора им нельзя. Климат тяжелый. Не выживешь.

Подошел генерал Манфред. Я поприветствовал его, приложив руки к бедрам. Генерал ответил кивком головы и подошел к Хартману. Они разговорились. Стоявший впереди пожилой немец, увидев генерала, предложил пройти без очереди, но тот благодарно поднял руку и остался стоять на своем месте.

Немцы соблюдают субординация, но ею не всегда пользуются.

– Вы не знаете, куда нас везут? – спросил Хартман.

– Знаю, – ответил Манфред. – На Урал. Поближе к богатой и бескрайней Сибири. Она так нас манила своими природными богатствами, не правда ли?..

Хартман пожал плечами.

Сделав свое дело, немцы возвращались к грузовикам, сбившись, как воробьи в кучу, курили. Отдельно кучковались австрийцы. Они не хотели знаться с немцами, считая, что национал-социализм был навязан им силой. Они – невинные жертвы.

Так ли уж совсем невинны? Фронт был от Норвегии до Северной Африки. Удерживать его только своими силами немцы никак не могли. На их стороне воевали сотни тысяч людей других национальностей. Больше 20 дивизий состояло только из иностранцев. Что их заставило идти? Разве не вера в то, что сражаются за правое дело? А разве все они не были хорошо мотивированы, не старались послужить на благо отечества, не боясь трудностей и опасностей? – мысленно оппонировал я австрийцам.

– Строиться! – зычно крикнул скуластый майор с малиновыми петлицами на серой шинели.

И когда все построились, он скомандовал: «Шагом марш! Раз-два, ать-два, левой!» Сено-солома, передразнил я его про себя.

Колонна пересекла железнодорожную насыпь и направилась к составу поезда с коричневыми вагонами. Там простояли еще три часа и сели в поезд, когда уже смеркалось.

– Настоящий спальный вагон, – сказал Бауэр, усаживаясь на лавку рядом со мной. – Не то что раньше. В 44-м нас погрузили в старые товарные вагоны. На правой стороне вагона были нары, на 40 человек, слева тоже были нары, а в центре вагона – дыра вместо туалета. Тридцать дней везли. Обессиленные, больные, многие умерли в дороге. Начальником нашего поезда был еврей – что от него было ждать?

Подошли Вебер и те двое, что пытались вне очереди прошмыгнуть в туалет. Мимо прошел Эрих Хартман. За ним – генерал Манфред и фон Болен, племянник промышленника Густава Круппа. Они разместились неподалеку.

Вскоре послышался паровозный гудок, потом еще один, донеслось пыхтение локомотива, и поезд медленно тронулся. Я взобрался на верхнюю полку. Лег и закрыл глаза, погружаясь в свои тоскливые мысли. Не осень ли причина моей душевной тоски? В памяти возникли слова Есенина об осени. «Я сегодня влюблен в этот вечер, близок сердцу желтеющий дол, отрок-ветер по самые плечи загонял на березке подол...» Нет, не осень причина моего уныния. И не резкая смена климата. Не похолодание и не прошедший дождь. А поезд, который везет меня на Урал, в котором едут на каторжные работы военные преступники. Что меня с ними объединяет? Только вопрос: они хотят знать, как долго продлится их принудительное заточение, а я – мое добровольное?

Вагон дергается из стороны в сторону. Я лежу, вслушиваясь в перестук колес. Сквозь металлические стоны, скрежет и лязганье вагонных сцепок доносится разговор.

– В сентябре 40-го года пошел добровольцем, – это говорит один из тех, что пытались прошмыгнуть без очереди в туалет. – В Потсдаме мне присвоили звание лейтенант. В СС были свои требования, слабее с точки зрения образования, но жестче в остальном, – рассказывал он. – Меня направили в учебный батальон 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». К счастью, там было только военное обучение. Мы изучали карабин 98к и МС-34, а здесь были пулеметы МС-42 и штурмовой карабин 44/45, великолепное оружие, с магазином на 36 патронов, с укороченным патроном со стальной гильзой того же калибра, как карабин 98к. Нас учили жить в свинарнике...

– А я отучился на банковского служащего, – говорит его товарищ. Он был простужен и говорил тихо, покашливая. – У меня была гарантия стипендии. Но ушел учиться на штабного офицера, зарекомендовал себя...

Я вспомнил как в 41-м, убегая с мамой из дому, я подобрал затычку, служившую пробкой из-под бутылки с самогоном. Бумагу я расправил. И увидел название газеты «Красная звезда». Столько лет прошло, а я тот текст помню. «У этих кровожадных людоедов, – писалось в ней, – уже давно нет ничего человеческого: хищники, обезумевшие от крови, от стонов поработанных народов, эти гориллы уничтожают все законы человеческого общения, все то, что создано людьми для общего блага, – культуру, науку, искусство, все материальные ценности. Зачем? Затем, чтобы оправдать право «сильного», право живореза. Гнуснейшая книга Гитлера «Моя борьба» – это объявленный разгул бандитского безумия, это призыв к резне, к истреблению целых народов, к кровавой тризне».

Я среди них, я слушаю их воспоминания.

– Как восприняли известие о капитуляции? – переспросил коротышка. – Были потрясены: в последние недели нам прожужжали все уши рассказами о новом оружии, которое

должно поступить на фронт. В доказательство ссылались на бомбежку Лондона ракетами ФАУ-1. Мы поверили, что еще удастся добиться перелома.

Они умолкли.

В этих невыдуманных коротких историях целая жизнь. Я вслушиваюсь, о чем они говорят, в интонацию, в немецкий сленг, которому не научит учебник. Поблизости два пожилых немца играют в шахматы. Один из них менторским тоном изрекает: «Интенсивная интеллектуальная нагрузка в узкой сфере деятельности позволяет быстро наращивать серое вещество в соответствующей зоне коры головного мозга, но ускоряет деградацию серого вещества в других областях по сравнению с людьми, живущими в праздности».

– Это как понимать? – интересуется его оппонент.

– Если будете играть только в шахматы, станете одержимым.

За игрой следит Арцер. Он всегда там, где есть соревновательность. Шахматы, как он понимает, бескомпромиссное состязание умов. Он следит, чтобы игра велась по правилам. Следя за игрой в шахматы, он «украшает» речь хлесткими словечками для особой пикантности. Советует игроку, который боялся одержимости.

– Думай, б...дь, думай, а не рассуждай.

Тот огрызается.

В чем точно я был уверен: пожив среди них, я мог не бояться за свой немецкий.

... Боже, как долго и мучительно тянется время. От многочасового лежания у меня болели бока. Голова переполнена чужими жизненными историями. Я уже знал всех своих попутчиков. Особенно меня злили их слова, которые они часто повторяли: мы солдаты, нам приказали. Но невозможно оправдать миллионы жертв. От Бреста до Волги, от Мурманска до Крыма не осталось живого места. Жалко ли мне их? Я не раз задавал себе этот вопрос. И если не знать, что они натворили на моей земле, то по-человечески жалко. Но это не мы, а они напали на нас, с землей сравнивали города, превратили в руины, бомбили санитарные поезда, расстреливали пленных, говорил мой внутренний голос. Перед глазами инвалид, первым вернувшийся на протезах в деревню. И его слова: «Гитлеровцы для нас не люди, нравственные уроды, жестокие изуверы, и поэтому мы должны их ненавидеть». Разве с этим поспоришь? И тогда все становится на свои места. Их настигла справедливая кара. Только одни в аду, а эти в плену.

Я достал губную гармошку. Поднес к губам. И когда полилась «Ах, мой милый Августин», все замолчали, притихли, приуныли. Их заглубившие души потянулись к свету, музыка вселяла надежду, пусть в мыслях, возвращала их в семью, родную сторонку. Это все, что я мог для них сделать.

Каждые несколько дней поезд останавливался на станции у водонапорной башни для заправки паровоза. И тогда мы выходили размяться, подышать холодным морозным воздухом.

В Свердловск поезд прибыл рано утром. Нас погрузили в новенькие бортовые ЗИЛы и отвезли в лагерь.

Лагерь находился на окраине города. Территория его обнесена колючей проволокой. Нас всех отправили под душ и провели дезинсекцию, чтобы не вшивели. Потом распределили по деревянным баракам. Со мной Хартман, Ганс, Бауэр, Вебер, Арцер и стрелок Рихтер. Как самый младший по воинскому званию, он будет отвечать за уборку в помещении и тепло. У генерала Манфреда отдельная каморка, за занавеской.

На следующий день для вновь прибывших была организована экскурсия по лагерю. Начальник антифашистской школы Фридрих Майер, высокий чахоточного вида немец, рассказал, что в лагере есть школа, театральный кружок, своя художественная самодеятельность, мужской хор и даже литературная группа. В школе проводятся занятия – по истории КПСС, европейских рабочих движений, читаются лекции по политэкономии и «Капиталу» Маркса. Коммунист Майер не скрывал, что лагерное подразделение антифашистской школы призвано перевоспитывать пленных бойцов вермахта. «Перековка» удастся. Плен принес сильное разочарование в нацистских идеях. И в качестве доказательства привел цифры. Если в 43-м таких было 2 процента, к 49-му 70, а после 50-го почти сто процентов немцев стали антифашистами, сказал он. Вечером он пригласил меня на беседу.

– Вы молоды. У вас есть шанс вернуться на родину, – сказал он.

Я с ним согласился, сказав, что сильно этого хотел бы.

– Вы можете себе помочь, – улыбнулся он.

– Каким образом? – спросил я.

– Надо вступить в лагерную группу антифашистов. Те, кто к нам приходил, получали наряд на работы на кухне или какое-нибудь другое послабление.

– Я подумаю, – сказал я, а сам решил: ни за что! Роль коллаборациониста была мне ни к чему.

Эриху Хартману моя позиция понравилась. Сам он по-прежнему отказывался работать, вел себя дерзко. Он страдал фанаберией через край.

Распорядок дня и порядки здесь были такие же, как в Тамбовском лагере. Офицеры могли трудиться по собственному желанию. Большинство от работ не отказывались, объясняя это тем, что надо чем-то себя занять и так быстрее течет время. К тому же пленные получали зарплату. Рядовые 7 рублей, офицеры 10, полковники 15, а генералы 30. За ударный труд полагалась премия – 50 рублей в месяц. Выдавалось мыло и одежда, пленные получали письма и денежные переводы с родины. Строили Свердловский горсовет и жилой дом на проспекте Ленина. Заготавливали древесину для нужд лагеря. На трофейной пилораме пленные наладили производство мебельных шаблонов для изготовления мебели. Нашлись любители резного творчества, им было разрешено заниматься художественной обработкой дерева. Подполковник Ланге оказался отличным резчиком-скульптором, а капитан Шнайдер увлекся художественной обработкой – росписью и декором. Из дерева они изготавливали шахматы, портсигары, шка-тулки. На эти изделия можно было выменять у местных жителей продукты и самогон.

Чувствовали мы себя раскованно. Можно было без надзора передвигаться по лагерной зоне, в свободное от работы время играть на гармошке. Местные жители к нам относились

гуманно, подкармливали, делились с нами своими скудными припасами. В лагере оказывалась медицинская помощь.

...В октябре пошел обильный снег. Крыши бараков, деревья, поля перекрасились в белый цвет. Когда я пришел к себе в барак, все лежали на кроватях. Капитан Шнайдер учил русский язык, повторяя вслух записанные у него на бумажке русские слова. В руках он держал газету «Правда». Увидев меня, он поднял голову и спросил: «Слышал о встрече Аденауэра с Хрущевым?»

– Все об этом только и говорят, – сказал я.

Кто-то предложил отметить это событие. Лагерное начальство пошло нам навстречу. Мы соорудили стол – и пошло-поехало. На столе кроме картошки и хлеба соления: капуста, огурцы, помидоры, моченые яблоки и самогон, который мы раздобыли у местных баб. Генерал Манфред сказал вступительное слово. «Время поста и покаяния у нас затянулось, все мы ждем чуда, пусть оно придет в нашу жизнь, наши мечты исполнятся. Может, повезет – и мы на Рождество будем дома», – сказал он.

Слова о католическом Рождестве породили воспоминания, как когда-то колядовали, ходили по домам с пением рождественских гимнов, получая в награду съестное и деньги. Наряжались в различные маски, надевали на себя шкуры животных. И если бы я не знал, кто эти люди, то можно подумать, что все они прелестные очаровашки, не пытавшие, не убивавшие никого, не обидевшие в жизни даже мыши.

Потом вспомнили, что у штандартенфюрера Бауэра два дня назад был день рождения, который он проигнорировал. Ему исполнилось 55. Высокого роста, худой, с впалыми щеками, горбатым носом и тонкими губами, он ворчит, что в плену отмечать день рождения не в радость. Он пессимист. И на чем свет начинает ругать войну, Гитлера, который вместо того, чтобы наращивать успех там, где все шло хорошо, почему-то пошел на Восток.

– Зачем понадобилось нападать на СССР, когда под тобой вся Европа? – спросил он, глядя поверх очков на генерала Манфреда.

– Как зачем? – сказал Манфред. – Гитлер считал, что для обеспечения должного уровня процветания не хватало земли. Для решения этой задачи и была развязана Вторая мировая. И план обустройства захваченной территории у него был. Я ознакомлен был с Директивой номер 32 под названием «План Ольденбург». От Вислы до Уральских гор. За выполнение плана отвечал Геринг. Территорию планировалось поделить на 4 инспектората (Ленинград, Москва, Киев, Баку). Крым должен быть полностью очищен от населения и заселен немцами. Восток России стать полем для экспериментов под руководством Альфреда Розенберга. И неважно, что Гитлер его не любил, считая не вполне адекватным. И тем не менее за эксперимент отвечал Розенберг. В конечном итоге территория СССР должна была быть поделена на 7 отдельных государств, которые становились «феодалными придатками» Германии. Эти территории планировалось заселить немцами. Славянам в этом «немецком раю» уготована роль «обслуживающего персонала». Порабощенный народ получал бы только импортную продукцию и был бы от нее полностью зависим. У подчиненных народов следовало поощрять коррупцию: она возвращает, ослабляет нацию, и ее легче держать в повиновении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.